

91902.6
А-И-56

из книг
И. П. Григорова

Т 6884
15/4 191

ИЗДАВЛЕНЫ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 6.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. П. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1895

БИБЛИОТЕКА
И. М. 1863

ОБЕД

СОДЕРЖАНІЕ № 6.

	<i>Стр.</i>
I. В. Сизовъ. О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колець преимущественно т. н. Московскаго типа.	177
II. Д. Анучинъ. Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова	188
III. Я. Смирновъ. Первый международный съѣздъ археологовъ въ Сплѣтѣ (Spalato).	196
IV. Археологическая хроника	223
V. Библиографія.	227

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.

” II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.

” III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.

Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.

” V, 1885 г. Ц. 6 р.

” VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.

” VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

” VIII, 1870 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологическій Съѣздъ. Труды предварительнаго Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

” X, 1885 г. Ц. 8 р.

” XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

” XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

” XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

” XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

” XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.

Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.

” Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.

” Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 200^о, библиотекамъ учебныхъ заведеній — 250^о, книгопродавцамъ — 300^о.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

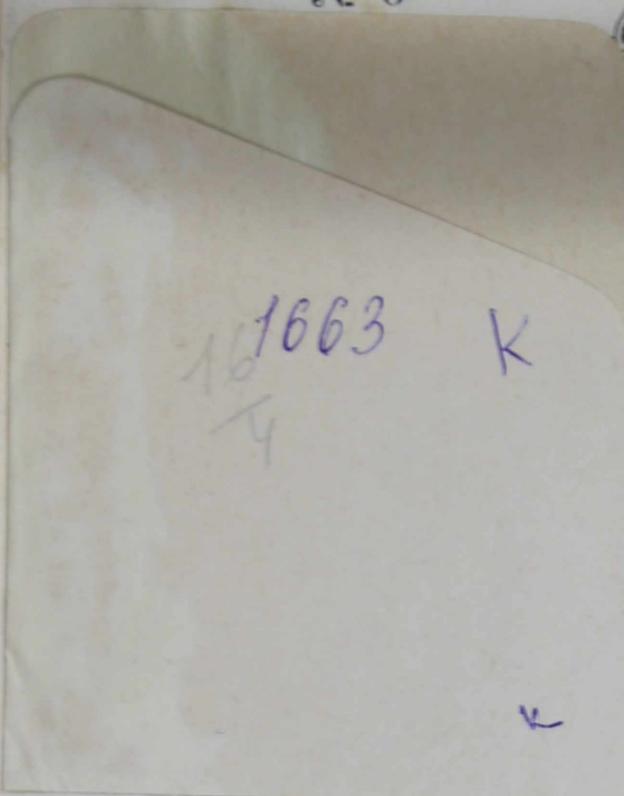
Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова.

902.6
и. 56

902.6
Д 6884
157-19.

№ 6

1895 г.

16
1663
4
K

РУССКІЙ

И ЗАМѢТКИ

ЖУРНАЛЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

I.

О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ и преимущественно т. н. московскаго типа.

(Археологическій этюдъ).

Въ области нашей курганной археологіи можно замѣтить съ одной стороны стремленіе къ широкимъ этническимъ обобщеніямъ, часто основаннымъ только на нѣкоторыхъ признакахъ погребальнаго обряда, безъ ясной связи съ инвентаремъ кургановъ, а съ другой стороны—отсутствіе установившихся прочно хронологическихъ опредѣленій инвентаря кургановъ—во всемъ разнообразіи его археологическаго матеріала. Между тѣмъ детальная научная разработка этого матеріала инвентаря можетъ дать прочныя основы для хронологическаго опредѣленія самыхъ кургановъ и встрѣчаемыхъ въ нихъ погребальныхъ обрядовъ. Для хронологіи кургановъ и могильниковъ до сихъ поръ археологи главнымъ образомъ опираются на монеты, но извѣстно, что находки монетъ въ курганахъ вообще чрезвычайно рѣдки; причемъ находимыя монеты—привѣтски часто сами по себѣ имѣютъ гораздо большую древность, чѣмъ

Российскій Императорскій
и Императорскій
Библиотечный

насыпка кургановъ, въ которыхъ онѣ найдены, а потому эти монеты сами требуютъ провѣрки посредствомъ другихъ, съ ними найденныхъ, вещей.

Монеты, когда онѣ встрѣчаются въ курганахъ какъ монеты, а не служатъ украшеніемъ, могутъ имѣть весьма важное, рѣшающее, значеніе въ опредѣленіи хронологической даты кургановъ; однако крайняя рѣдкость такихъ находокъ, въ особенности въ курганахъ съ погребеніемъ, не можетъ содѣйствовать широкой и успѣшной классификаціи могильниковъ: эти монеты могутъ представлять только точку отправленія для опредѣленія курганныхъ древностей и вообще служить для нихъ лишь провѣркой. Наша археологическая наука въ области изученія кургановъ славянской эпохи должна дѣлать свои хронологическіе и этническіе выводы не только на основаніи монетъ, но главнымъ образомъ на основаніи всего курганнаго инвентаря, представляющаго вообще самый богатый археологическій матеріалъ, даже и помимо находки монетъ. Намъ кажется, что только такой методъ опредѣленій можетъ установить прочную чисто-археологическую почву для широкой классификаціи нашихъ могильниковъ.

Детальная разработка характерныхъ вещей могильника дастъ возможность ввести массу новаго археологическаго матеріала для классификаціи могиль, а между тѣмъ достаточное вниманіе къ этому матеріалу у нѣкоторыхъ археологовъ до сихъ не пользуется еще правомъ гражданства; у другихъ-же встрѣчается тенденція придавать слишкомъ большое значеніе случайнымъ фактамъ, представляющимъ— въ силу самой случайности—какъ бы противорѣчіе съ общимъ характернымъ явленіемъ. Но при изслѣдованіи памятниковъ прошедшей жизни нельзя, намъ кажется, не имѣть въ виду возможности случайныхъ явленій, тамъ какъ онѣ всегда, во всѣ времена, встрѣчаются въ жизни. Задача археологической науки, между прочимъ, и состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего отдѣлать это случайное отъ постояннаго и характернаго и только на фактахъ послѣдняго рода строить свои обобщенія и выводы, а факты случайные принимать какъ матеріалъ для иного рода выводовъ, какъ напр. для уясненія иноземныхъ вліяній, торговыхъ сношеній и т. п.

Въ настоящее время при наличности уже собраннаго археологическаго матеріала изъ кургановъ центральной и сѣверо-восточной Россіи намъ кажется возможнымъ приступить къ выясненію наиболѣе характерныхъ частей курганнаго инвентаря; предположенный нами рядъ такого рода задачъ мы ставимъ въ скромныя рамки „этюдовъ“, не желая увлекаться въ нашемъ изложеніи полнотою матеріала, которая можетъ явиться и впослѣдствіи.

1888 г. 11 апр. 1888 г.
1888 г. 11 апр. 1888 г.
1888 г. 11 апр. 1888 г.

На первый раз мы ограничимся попыткой опредѣлить происхождение, хронологическую послѣдовательность и этнической характеръ женскихъ курганныхъ украшеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „височныхъ колець“—и преимущественно семилепестнаго т. н. „московскаго“ типа.

Какъ извѣстно, въ древнѣйшій языческой періодъ нашей исторіи предметы арабской индустріи, преимущественно предметы изъ серебра, относящіяся къ разряду украшеній, чрезъ посредство болгаръ камскихъ проникали въ центральную и сѣверо-западную Россію въ весьма значительномъ количествѣ, вмѣстѣ съ арабскими монетами — диргемами, наибольшее количество которыхъ относится къ IX—X вв.

Къ X-му вѣку относится и богатый гнѣздовскій кладъ, состоящій изъ разнообразныхъ серебряныхъ украшеній, дающихъ прекрасный матеріалъ для знакомства съ арабской техникой серебряныхъ издѣлій того времени. Среди разнообразныхъ привѣсокъ этого клада мы встрѣчаемъ привѣску, называемую обыкновенно „лунницей“, потому что она представляетъ стилизованное изображеніе луны во время новолунія. Фототипическія изображенія двухъ подобныхъ лунницъ въ натур. величину мы представляемъ на приложенной таблицѣ фот. 1-2; оригиналы ихъ находится въ Истор. музеѣ и происходятъ изъ Гнѣздова, также какъ и диргема, относящіяся къ X-му вѣку. Обѣ изображенныя лунницы представляютъ намъ самыя яркія черты характерной арабской техники въ издѣліяхъ этого рода: поверхность серебряной пластинки, укрѣпленной сзади двумя поперечными ребрами, для прочности, украшена съ лицевой стороны крупными шипами и узоромъ изъ зерни, образующей входящія углы, а въ меньшей—по сторонамъ угла параллельныя линіи. Какъ и теперь еще на Кавказѣ, у восточныхъ мастеровъ этотъ узоръ изъ зерни достигается припайкой, посредствомъ поальной трубки, каждаго зернышка на гладкую поверхность серебряной пластинки; благодаря навыку такое укрѣпленіе зернышекъ производится весьма быстро. Вообще такая мастерская техника украшаетъ металлическія арабскія издѣлія, найденныя въ разное время на почвѣ Россіи и относящіяся ко времени отъ X—XIII в. и даже позднѣе.

Но всѣ эти арабскія издѣлія относятся къ украшеніямъ высшихъ классовъ общества, какъ украшения привозныя, заморскія, слѣланныя притомъ изъ дорогаго металла; въ народной же массѣ эти арабскія серебряныя издѣлія не могли имѣть распространенности, и дѣйствительно не имѣли, такъ какъ ихъ не находятъ въ нашихъ обыкновенныхъ могильникахъ, бѣдныхъ вообще благородными металлами; находки этого рода существуютъ лишь какъ исключенія. Однако съ теченіемъ времени эта завезенная съ востока лунница дѣлается излюбленнымъ украшеніемъ

или привѣской на женскихъ ожерельяхъ или монистахъ, находимыхъ въ нашихъ курганахъ, древность которыхъ можно опредѣлить концомъ X и главнымъ образомъ XI ст. Замѣтимъ кстати, что въ бѣдныхъ курганахъ съ трупосоженіемъ народный типъ лунницъ не встрѣчается. Время распространенности лунницъ совпадаетъ съ появленіемъ новаго сплавнаго металла, замѣнившего для массы въ эту эпоху серебро арабскихъ издѣлій.

Такимъ образомъ благодаря дешевому металлу, замѣнившему серебро, формы привезенныхъ украшеній, составлявшихъ достояніе высшихъ слоевъ древняго русскаго общества, распространяются въ массѣ народа и такъ сказать демократизируются, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утрачиваютъ первоначальную арабскую технику: такъ вмѣсто припайки отдѣльно каждаго зернышка здѣсь стали отливать цѣликомъ цѣлую лунницу съ рельефными дорожками, едва сохранившими намеки на прежнія зерна. Такое измѣненіе весьма легко замѣтить изъ сравненія двухъ упомянутыхъ арабскихъ лунницъ (фот. 1 и 2) съ лунницами изъ дешеваго сплавнаго металла (фот. 3 и 4). Нетолько новый металлъ, способный лишь къ отливкѣ, но и самое мастерство, производившееся на русской почвѣ могло содѣйствовать упрощенію и ухудшенію иноземной техники. На возможность туземнаго производства подобныхъ украшеній указываетъ, между прочимъ, привѣска (фот. 5), гдѣ фонъ остался мѣстами не пропиленнымъ.

Подобнаго рода измѣненія арабской техники можно наблюдать и въ пронизкахъ оливковой формы, отлитыхъ изъ того же сплавнаго металла и находимыхъ обыкновенно въ курганахъ XI ст., причемъ можно замѣтить, что эти бусы или пронизки составлялись изъ двухъ отлитыхъ половинокъ, находимыхъ обыкновенно отдѣльно—вслѣдствіе ихъ плохой спайки. Вообще, по многимъ вещамъ можно замѣтить, что умѣлая спайка трудно давалась нашимъ древнимъ мастерамъ.

Обращаясь затѣмъ къ височнымъ кольцамъ семизубчатаго и семи-лепестнаго типа мы должны замѣтить, что здѣсь намъ приходится встрѣчаться нетолько съ подобными измѣненіями техники, но и съ эволюціей формы ихъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ височнымъ кольцамъ т. н. московскаго типа.

Прежде всего замѣтимъ, что височныя кольца въ курганахъ съ трупосоженіемъ не встрѣчаются—по крайней мѣрѣ мы не знаемъ примѣровъ; напротивъ въ курганахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ, иногда датированныхъ монетами XI в.,—онѣ встрѣчаются въ большомъ изобилии и притомъ съ разнообразіемъ типовъ. Если исходной точкой изобрѣтенія можно считать болѣе простую форму, то болѣе древними

изъ ряда колець различныхъ формъ намъ слѣдуетъ поставить тѣ височныя кольца, которыя имѣютъ форму небольшого несомкнутого кольца, сдѣланнаго изъ серебрянной проволоки, причемъ одинъ конецъ бываетъ изогнутъ въ формѣ буквъ S, почему въ Чехіи эти кольца и называются „есовидными“ (см. рис. 16) ¹⁾.

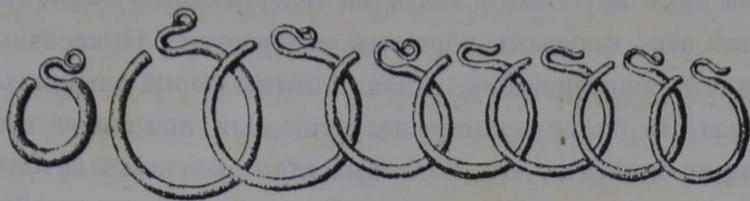

Рис. 16.

Близкую форму къ этимъ кольцамъ представляютъ кольца изъ серебрянной проволоки, уже сомкнутой и завязанной двумя узлами, напоминающими древніе золотые браслеты, недавно приобрѣтенные Историческимъ музеемъ изъ Керчи и относящіеся къ V—VI вв., и къ издѣліямъ такъ назыв. готскаго стиля, характеризующаго вообще эпоху, ближайшую къ переселенію народовъ. Височныя кольца этого типа встрѣчаются весьма часто.

Въ Чехіи онѣ также извѣстны: по крайней мѣрѣ на миньятюрѣ Велеславова евангелія, относящагося къ XII-му вѣку, мы встрѣчаемъ ихъ изображеніе (рис. 17) ²⁾, изъ котораго можно понять и способъ ихъ ношенія въ Чехіи.

Въ нашихъ курганахъ кольца эти встрѣчаются и въ измѣненномъ видѣ, представляющемъ, по всему вѣроятію, дальнѣйшее развитіе основнаго типа: серебрянная проволока, образующая кольцо, въ трехъ

Рис. 17.

¹⁾ Рисунокъ взятъ изъ соч. Д-ра Šeněk Zibrťa «Dejiny kroje v Zemích českých». V Praze, 1891. Изъ того же сочиненія взятъ и рис. № 2.

²⁾ Височныя кольца вообще считаются многими западными учеными за несомнѣнный признакъ славянства и встрѣчаются въ могилахъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Познани, Пруссіи, Польши и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ прежде жили славяне.

Въ Чехіи и Моравіи съ височными кольцами или «заушницами» находились и монеты; самыя древнія изъ нихъ относятся ко времени Болеслава II (967—999 г.). Въ Польшѣ по монетнымъ находкамъ височныя кольца относятся къ XI—XII вв. Но въ Венгріи находимыя височныя кольца относятъ къ VII, VI и даже V-му вѣку — къ эпохѣ переселенія народовъ. См. сочиненія Др. Нидерле и Др. Пича: Lidstvo v době předhistorické и Archaeologický výzkum ve středních Čechách.

или четырехъ мѣстахъ сплющивается, такъ что эти мѣста образуютъ ромбы, украшенные обыкновенно діагонально крестомъ изъ точекъ или двойнымъ крестомъ; эти мотивы украшеній встрѣчаются на древнихъ тканяхъ, добытыхъ изъ кургановъ и носятъ чисто народный характеръ. Болѣе рѣдкими можно считать височныя кольца изъ проволоки съ нанизанными на нихъ круглыми и гладкими серебряными бусами. Но въ данномъ случаѣ насъ главнымъ образомъ интересуютъ тѣ височныя кольца, семизубчатая и семилепестная, самая сложная форма которыхъ заставляетъ предполагать болѣе позднее появленіе или иноземное изобрѣтеніе, хотя нельзя не замѣтить, что различные типы височныхъ колецъ встрѣчаются не только въ одномъ могильникѣ, но встрѣчаются вмѣстѣ на черепѣ одного костяка, что указываетъ на тотъ фактъ, что иногда старыя формы уживались вмѣстѣ съ новыми, болѣе сложными.

Происхожденіе или изобрѣтеніе семизубчатыхъ и семилепестныхъ височныхъ колецъ съ полной достовѣрностью можно приписать Арабамъ, чему доказательствомъ служатъ слѣдующіе факты:

Въ Смоленскомъ Музеѣ древностей находится височное семи-зубчатое кольцо, найденное въ Ельнинскомъ уѣздѣ при раскопкѣ кургана вмѣстѣ съ другими обычными курганными вещами (фот. 6). Кольцо это весьма небольшого размѣра, отлито изъ серебра и носитъ на себѣ свѣжія черты подражанія арабскому оригиналу: такъ, поверхность его еще сохранила украшеніе зернью, хотя не припаянной, какъ у Арабовъ, но отлитой сразу; вмѣстѣ съ тѣмъ средній зубецъ заканчивается лунницей чисто арабскаго типа. Грубость подражательной техники указываетъ, по нашему мнѣнію, на чисто мѣстное производство этого предмета. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ подражаніемъ арабскому оригиналу; свѣжесть этого подражанія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что это височное кольцо еще отлито изъ серебра, тогда какъ обыкновенно височныя кольца этого рода отливались уже изъ грубаго металлическаго сплава, замѣнившаго собою серебро для всякаго рода украшеній. Другое весьма рѣдкое височное кольцо было найдено Е. И. В. Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ въ одномъ изъ раскопанныхъ имъ кургановъ близъ д. Веригиной (фот. 9). Это кольцо семилепестное, т. н. московскаго типа, отлитое, по всей видимости, изъ плохаго серебра и покрытое сплошь рельефнымъ орнаментомъ характернаго арабскаго стиля; техника и чистый рисунокъ орнамента говорятъ безспорно за то, что кольцо вышло изъ рукъ арабскаго мастера: орнаментъ здѣсь состоитъ изъ стилизованныхъ травъ съ двумя главными вѣтвями. Но особенно интересна въ этомъ кольцѣ та подробность, что поверхность его лепестковъ сплошь весьма художественно заполнена этимъ

орнаментомъ, что указываетъ, по нашему мнѣнію, на тотъ фактъ, что характерный арабскій орнаментъ весьма умѣлой рукой приспособленъ къ своеобразно вырѣзной поверхности широкой части кольца; безъ сомнѣнія, такое приспособленіе арабскаго орнамента никакъ не могло совершиться среди мѣстнаго русскаго населенія, а это, вмѣстѣ съ прекрасной техникой, указываетъ, по нашему мнѣнію, не только на иноземное производство, но и на самое изобрѣтеніе формы, съ которой такъ тѣсно связывается арабскій орнаментъ. Принятое нами положеніе объ изобрѣтеніи арабами семилепестной формы височнаго кольца, мы можемъ подтвердить еще и слѣдующимъ фактомъ: отъ г. Брокара получено нами височное кольцо, добытое изъ кургановъ Московской губ. совмѣстно съ другими обычными вещами (фот. 10). Внутренняя плоская часть кольца украшена здѣсь раздвоенной вѣткой арабскаго стиля, характерной по чистотѣ контура; мотивъ этого орнамента мы встрѣчаемъ на фрагментѣ изразца, привезеннаго изъ развалинъ одной изъ

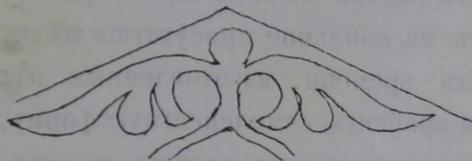

Рис. 18.

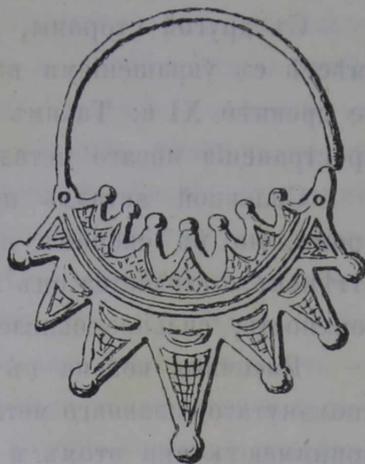

Рис. 19.

древнихъ мечетей Самарканда (рис. 18). Такимъ образомъ и это кольцо мы можемъ причислить къ арабскимъ издѣліямъ.

Вспомнимъ еще о двухъ височныхъ кольцахъ, извѣстныхъ намъ, впрочемъ, только по изображенію въ атласѣ гр. Уварова, приложенному къ его сочиненію „Меряне“. Судя по этимъ изображеніямъ височныхъ колець, одно изъ которыхъ помѣщено и въ нашемъ текстѣ подъ № 19, мы можемъ предположить, что первоначальная техника этого кольца была также арабская; на это указываетъ какъ дѣленіе серьги на семь частей, такъ и грубое воспроизведеніе на поверхности серьги арабской зерни. Вообще это височное кольцо, какъ и кольца изображенныя на таблицѣхъ подъ №№ 6, 7, 8, представляетъ чистую разновидность семилепестнаго кольца московскаго типа. Такимъ образомъ всѣ указанныя нами рѣдкія височныя кольца, съ обычнымъ расширеніемъ нижней части, раздѣленной всегда на семь частей, или представляютъ собою арабское издѣліе, какъ серьга № 9 или близкое по времени, но грубое по технике воспроизведеніе арабскаго оригинала.

Большее удаленіе отъ чисто арабскихъ издѣлій представляютъ тѣ височныя кольца, которыя находятся въ большомъ количествѣ въ курганахъ Московской и отчасти Смоленской губерній и въ силу уже своей распространенности могутъ относиться только къ мѣстному производству. Этотъ распространенный типъ височныхъ колець, сохраняя прежнюю арабскую форму, утрачиваетъ совершенно древній арабскій орнаментъ, который замѣняется другимъ, болѣе сподручнымъ для новаго металла и русскаго мастера.

Новый металлъ изъ сплава не встрѣчается, сколько намъ извѣстно, въ курганахъ съ трупосожженіемъ, гдѣ обыкновенно находятся украшенія только изъ серебра и бронзы или мѣди; эти курганы въ нашихъ раскопкахъ въ Смоленской губ. датируются началомъ X вѣка.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что могилы, находимыя вмѣстѣ съ украшеніями изъ сплавнаго металла относятся ко времени не древнѣе XI в. Такимъ образомъ можно установить для начала распространенія новаго металла конецъ X и XI в.

Сплавной металлъ при раскопкѣ сразу легко смѣшанъ съ серебромъ, но въ скоромъ времени онъ мутнѣетъ, принимая свинцовый оттѣнокъ, отличается онъ ломкостью и въ изломѣ имѣетъ зернистую поверхность; сильное окисленіе указываетъ на обильное присутствіе мѣди.

Височныя кольца въ этотъ періодъ времени, изготовленные изъ упомянутаго сплавнаго металла, сохраняя арабскую семилепестную форму, принимаютъ при этомъ и нѣкоторыя чисто народныя русскія художественныя черты, такъ какъ вмѣсто арабскаго орнамента народная техника и вкусъ довольствуются рубчатыми поясками, соответствующими очертаніями плоской поверхности кольца и семью острыми городками, заходящими своими остриями въ лепестки, такъ что каждому лепестку соответствуетъ входящее въ него остріе зубчика. Выраженная такимъ образомъ симметрія составляетъ характерное и постоянное явленіе. Техника этихъ городковъ и поясковъ, состоящихъ изъ черточекъ, представляется намъ уже чисто народной, такъ какъ этого рода линіи или пояски украшаютъ до сихъ поръ народныя металлическія издѣлія, какъ напр. гребешки поясные, оправы трубокъ и т. д., а въ курганныхъ вещахъ они встрѣчаются на браслетахъ, перстняхъ, гривнахъ — издѣліяхъ безъ всякаго сомнѣнія мѣстныхъ, а не привозныхъ.

Эволюція височнаго кольца однако на этомъ не останавливается и развивается далѣе въ томъ же народномъ русскомъ направленіи.

Въ Историческомъ Музеѣ находятся височныя кольца изъ Тульской губерніи; они уже имѣютъ пять лепестковъ и въ общемъ напоминаютъ фигуру вазы, такъ какъ нижній самый длинный лепестокъ не

измѣняетъ формы, а боковые сливаются и загибаются кверху. Это слитіе и расширение и сокращаетъ число лепестковъ, образуя изъ двухъ—одинъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить то интересное обстоятельство, что при сокращеніи лепестковъ изъ семи на три и на пять, число зубчиковъ осталось попрежнему семь или пять, чѣмъ и нарушилась уже прежняя весьма устойчивая симметрія, и одинъ лишній зубчикъ не находится въ соотвѣтствіи съ лепестками (фот. 12—13) ¹⁾.

Такое смѣшеніе въ симметріи указываетъ несомнѣнно на тотъ фактъ, что пятилепестное кольцо, было изобрѣтено позднѣе семилепестнаго, такъ какъ оно сохранило, какъ архаизмъ, прежніе семь зубчиковъ. Орнаментація внѣшняя также измѣнилась въ томъ отношеніи, что появился цѣлый бордюръ изъ пробитыхъ кружковъ, соотвѣтствующій контуромъ кольца и украшающій въ видѣ рѣшетки верхъ. Этотъ способъ украшенія можно считать чисто народнымъ, ибо онъ встрѣчается въ массѣ мелкихъ издѣлій и въ особенности въ ажурныхъ курганныхъ перстняхъ, состоящихъ изъ выбитыхъ кружковъ или треугольниковъ. Верхняя рѣшетка кромѣ того украшается двумя собачками, иногда птичками, близко стоящими другъ противъ друга. Это послѣднее изображеніе еще болѣе указываетъ на народный стиль. Семилепестное кольцо (фот. 11 и рис. 5) не исчезаетъ при пятилепестномъ, но соединяется съ нимъ въ одну болѣе позднюю группу связанную общими признаками народнаго орнамента — ажурными бордюрами, верхней рѣшеткой, парными животными и бѣльшимъ размѣромъ, причѣмъ однако плоскость кольца дѣлается тоньше, что представляетъ удобство для штамповки и выбиванія кружечковъ. На время, къ которому можно отнести означенныя кольца, указываетъ, по нашему мнѣнію „Лихвинскій кладъ“.

Описаніе этого клада было помѣщено во Временникѣ за 1849 г. вмѣстѣ съ изображеніями вещей.

Въ настоящее время вещи этого клада хранятся въ Историческомъ музеѣ, куда поступили уже не въ прежней цѣлости: такъ щитокъ перстня давно уже утратился; поэтому прилагаемые рисунки взяты нами изъ Временника, гдѣ можно получить болѣе полное понятіе о кладѣ. (рис. 20, 21, 22). По характеру орнамента и по формѣ височное кольцо Лихвинскаго клада можно съ увѣренностію отнести къ височнымъ кольцамъ, указаннаго нами, поздняго типа: такъ крайніе лепестки сливаются и завиваются кверху; техника состоитъ изъ штамповки и проч. (рис. 20). Поздняя дата этой серьги подтверждается другими совмѣстными находками, а именно: щитокъ перстня, утраченный теперь, украшенъ былъ изображеніемъ птицы съ львиной головой. Это изобра-

¹⁾ Изображеніе пятилепестной серьги здѣсь не помѣщено.

женіе характерное по квадратной головѣ обращенной en-face, по развѣтвленной въ цвѣтокъ оконечности хвоста заставляетъ насъ невольно вспомнить о подобныхъ изображеніяхъ фантастическихъ животныхъ на стѣнахъ храмовъ Суздальской области, относящихся къ XII—XIII в. Тоже можно сказать и объ изображеніи птицы—одноглаваго орла. Это, не представляющее сомнѣній, сходство, даетъ намъ право отнести височныя кольца поздняго сложнаго типа именно къ означенной эпохѣ Суздальскихъ церквей т. е. къ XII—XIII в. приблизительно. На то же время, по нашему мнѣнію, указываетъ и отдѣлка чернью.

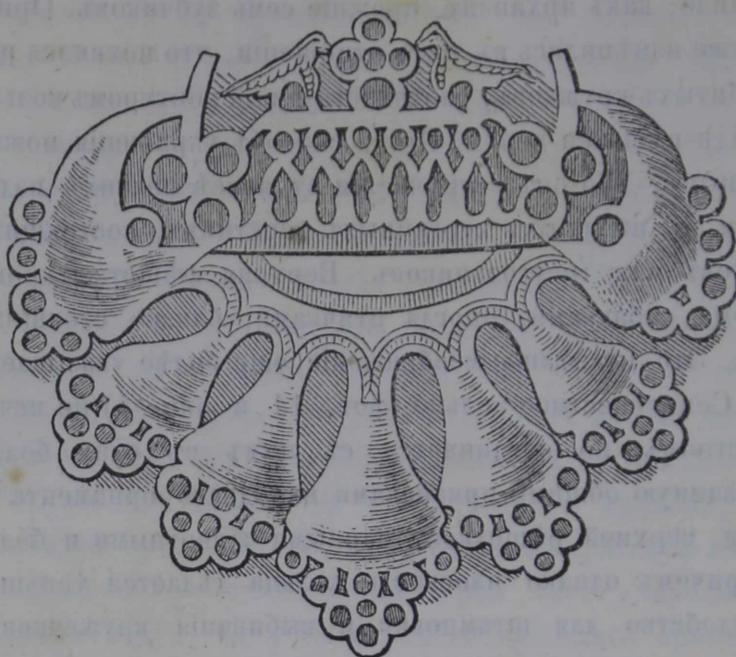

Рис. 20.

Рис. 21.

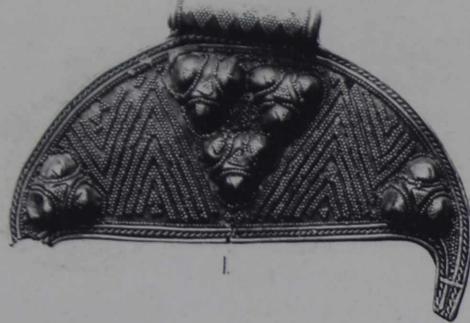

Рис. 22.

На приложенной таблицѣ съ изображеніями височн. колець весьма ясно видно, какъ оба типа колець—семизубчатый и семилепестный—видоизмѣняются, удаляясь отъ своего арабскаго прототипа, и съ теченіемъ времени получаютъ совершенно народную окраску; послѣднее особенно замѣтно въ височныхъ кольцахъ московскаго типа ¹⁾.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ частностяхъ въ формахъ височныхъ колець и о способѣ ихъ ношенія. Установившіяся названія у насъ—„височныя кольца“ и у чеховъ—„заушницы“ весьма мѣтко указываютъ на ношеніе серегъ у висковъ, по сторонамъ уха. Кольца надѣвались на тесьму или ленту, уже обвязанную вокругъ головы; для этой цѣли съ одной стороны дужки существуетъ всегда раз-

¹⁾ Височныя кольца семизубчатая сохраняютъ болѣе устойчиво свою первоначальную форму; онѣ могутъ считаться болѣе древними. Переходную форму и семилепестный представляетъ кольцо, изображенное на таблицѣ подъ № 7.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

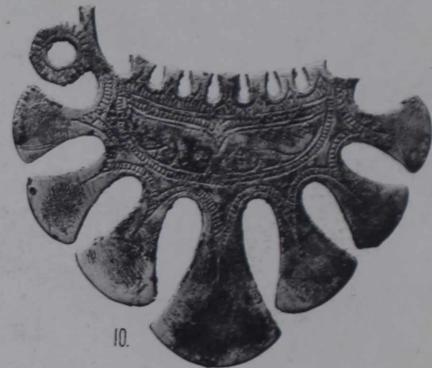
7.

8.

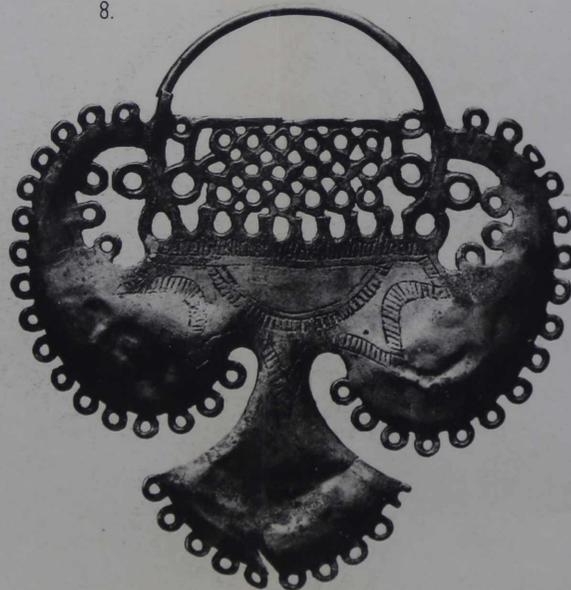
9.

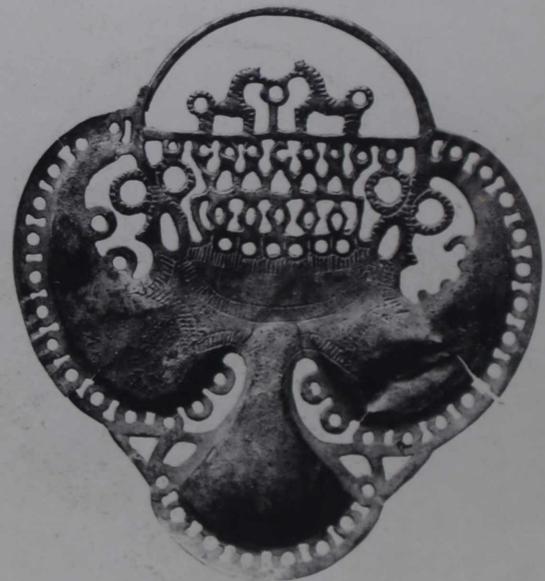
10.

11.

12.

13.

рѣзь, посредствомъ котораго удобно было кольцо надѣвать на тесьму и снимать съ тесьмы. Сквозь кольца продѣвались пряди височныхъ волосъ, такимъ образомъ, что плоская вырѣзная часть кольца выставляется наружу, выдѣляясь красиво на фонѣ волосъ. Кромѣ того, чтобы дать устойчивость этой части головного убора, кольца скрѣплялись другъ съ другомъ, посредствомъ кружечковъ, весьма характерныхъ въ кольцахъ семилепестныхъ. На служебное значеніе этихъ круглыхъ отверстій указываетъ отверстіе въ серьгѣ изъ раскопокъ гр. Уварова. Но вообще какъ видно и изъ рисунковъ семизубчатыхъ кольца не скрѣплялись съ боковъ, такъ какъ онѣ отличались меньшимъ размѣромъ.

Въ заключеніе высказанныя нами соображенія мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Височныя кольца семизубчатыхъ и семилепестныхъ (т. н. московскаго типа) по своему происхожденію относятся къ арабской индустріи, чему примѣромъ служитъ височное кольцо изъ раскопокъ Великаго Князя Сергія Александровича, кольцо изъ коллекціи г. Брокера и кольцо изъ Смоленской губерніи, Ельнинскаго уѣзда, представляющее впрочемъ ближайшее по времени воспроизведеніе арабскаго оригинала.

2) Очень быстро височныя кольца, сохраняя арабскую форму, утрачиваютъ арабскую технику и выдѣлываются не изъ серебра, а изъ сплавнаго металла, когда изъ того же металла появляются и другія украшенія. Кольца эти обычнаго московскаго типа, а также и семилепестныя относятся къ XI ст. преимущественно.

3) Къ болѣе позднему періоду относятся тѣ височныя кольца, которыя украшаются ажурными штампованными орнаментами и вырѣзными парными звѣрями и птицами, причемъ иногда обычная семилепестная форма колець превращается въ пятилепестную заостренную, но при этомъ внутренній орнаментъ семизубчатый удерживается, нарушая соотвѣтствіе съ лепестками. Размѣры колець при этомъ увеличиваются, но самыя кольца дѣлаются тоньше. Позднѣйшая форма этихъ колець можетъ быть отнесена къ XII—XIII в.

4) Височныя кольца вообще составляютъ характерное украшеніе женскаго головного убора восточныхъ и западныхъ славянъ и въ могильникахъ финскихъ не встрѣчаются, а потому ихъ присутствіе въ курганахъ служитъ однимъ изъ признаковъ славянскаго погребенія. Московскіе курганы слѣдовательно принадлежатъ восточнымъ славянамъ. Типъ височнаго кольца „московскаго“ отъ Москвы распространяется не на Востокъ, а на Западъ— въ Смоленской губерніи, гдѣ встрѣчается вмѣстѣ съ другими типами височныхъ колець.

Мы здѣсь не упоминаемъ объ исключеніяхъ, ибо исключенія не

могутъ уничтожить значенія характерныхъ явленій. Точно также не желая выходить за границы нашей темы, мы не указываемъ пока границъ распространенія височныхъ колець.

В. Сизовъ.

II

Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова.

Давно было извѣстно, что въ Прикамьѣ, какъ и вообще въ Приуральѣ, нерѣдки находки мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій. Въ южной половинѣ Урала было открыто много слѣдовъ древнихъ чудскихъ мѣдныхъ копей, весьма облегчившихъ русскимъ разысканіе мѣдныхъ рудъ. Въ этихъ копяхъ были находимы иногда каменные, деревянные и мѣдныя издѣлія древнихъ рудокоповъ-чудиновъ, и подобные же слѣды древнихъ обитателей края открывались иногда случайно при земляныхъ работахъ, при паханіи, разработкѣ золотыхъ приисковъ и т. д. Когда стали извѣстны продукты болгарской культуры (на мѣстѣ древнихъ Болгаръ, въ Билярскѣ и другихъ мѣстахъ), то не трудно было убѣдиться, что послѣдняя относится къ болѣе поздней эпохѣ и что она представляетъ бѣльшія черты сходства съ культурой финскихъ могильниковъ средняго Поволжья, въ которыхъ, при изобиліи различныхъ бронзовыхъ украшеній, мы не встрѣчаемъ уже типичныхъ мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій и оружій (цельтовъ, сѣкиръ, кирокъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ и т. п.), которыхъ замѣнили уже желѣзныя и притомъ иныхъ типовъ. Долгое время не было однако извѣстно могильника, относящагося къ этой болѣе древней эпохѣ бронзоваго вѣка, когда мѣдь служила главнымъ матеріаломъ для выдѣлки орудій и оружія. Только въ 50-хъ годахъ былъ открытъ Ананьинскій могильникъ (около д. Ананьиной, близъ г. Елабуги), описаніе раскопки котораго, произведенной чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства г. Алабинымъ, появилось въ „Вѣстникѣ Географическаго Общества“ 1860 г.; впоследствии стало извѣстнымъ, что раскопка эта была произведена крайне успѣшно: въ одинъ день было вскрыто до 48 могилъ, при чемъ найдены были слѣды погребенія и трупосожженія, а также частичнаго погребенія (т. е. отдѣльных частей тѣла). Нѣкоторыя могилы были прикрыты каменными плитами или имѣли камни въ головахъ и ногахъ покойниковъ, около которыхъ находились также горшки (съ круглымъ дномъ), кости домашнихъ животныхъ (быковъ, лошадей) и разныя бронзовыя издѣлія, а отчасти также и желѣзныя (напримѣръ, кинжалы), имѣвшія форму бронзовыхъ. Позже этотъ могильникъ былъ предметомъ изученія Эйхвальда, Лерха, особенно же проф. Невоструева (въ

„Трудахъ“ I-го Арх. Съѣзда въ Москвѣ, 1871 г.), который нашелъ въ немъ нѣкоторыя черты сходства съ извѣстнымъ Галльштадтскимъ могильникомъ въ Австрiи, относящимся къ эпохѣ начала желѣзнаго вѣка (IV в. до Р. X.). Раскопка Алабина далеко не исчерпала содержанiе Ананьинскаго могильника; позже, при содѣйствiи мѣстныхъ крестьянъ, здѣсь успѣли собрать коллекци г. Пасынковъ, Радаковъ (коллекци послѣдняго находится теперь въ Моск. Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ) и особенно г. Аспелинъ, который отнесъ этотъ могильникъ къ III в. до Р. X. Въ 1881 г. новая раскопка была произведена здѣсь, по порученiю Казанскаго Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи, г. Пономаревымъ, который открылъ десять могилъ, отчасти представленныхъ теперь въ полномъ видѣ (съ костяками и плитами) въ Казанскомъ Университетскомъ Музеѣ. Г. Пономаревъ встрѣтилъ также на ряду съ погребенiемъ и трупосожженiе, а равно и частичное погребенiе, и притомъ послѣднее при условiяхъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ его намѣренности. Иногда отъ цѣлаго костяка оказывались сохранившимися только нѣсколько зубовъ, но они были тщательно завернуты, вмѣстѣ съ маленькими бронзовыми издѣльями, въ бересту. Въ могилахъ были найдены бронзовыя копья, цельты¹⁾, сѣкиры, кинжалы, стрѣлки, шейные обручи („жгуты“, гривны), также кремневыя стрѣлки, точильные бруски, а равно желѣзные кинжалы (типа мѣдныхъ), желѣзныя копья, одна желѣзная стрѣлка и бронзовыя и серебряныя украшенiя (серебр. гривна и небольшiя серебр. спирали). Надъ могилами замѣтны были иногда слѣды настилки изъ бревенъ, въ другихъ случаяхъ—прикрытiе изъ каменныхъ плитъ. Особенно замѣчательною оказалась одна могила, открытая на большой сравнительно глубинѣ. На аршинъ подъ черноземомъ встрѣчены были большiя плиты (до 2¹/₂ арш. въ длину), расположенныя кругомъ и наклоненныя подъ угломъ въ 45°. Подъ ними оказалась яма, представляющая форму лодки (14 + 9 футовъ), выложенная каменными же плитами, причемъ на днѣ лодки плиты шли въ 2 — 3 ряда и подъ ними замѣтны были слѣды еще деревянной настилки. Подъ „лодкой“ оказался песокъ, въ которомъ, на глубинѣ 5 аршинъ отъ поверхности, обозначилась четырехугольная (9 + 4') яма; въ головной части этой ямы лежали двѣ каменныхъ плиты, вблизи которыхъ были найдены: сѣкира съ бронзовой рукояткой и желѣзнымъ лезвиемъ, часть человѣческаго черепа, бронзовая бляха, серебряная спираль, точильный камень, серебряная витая гривна, подъ нею—нижняя челюсть, далѣе (къ ногамъ) желѣзное копье, двѣ кремневыхъ стрѣлки, конусообразный бронзовый наконечникъ, большой желѣзный кинжалъ, наконецъ кость быка и опять двѣ каменныхъ плиты. Другихъ человѣческихъ костей никакихъ не нашлось, а только остатки глинянаго сосуда²⁾.

Въ 1893 г. вышелъ I-й выпускъ издаваемыхъ Московскимъ Археологи-

1) Названiе «цельтъ», какъ доказалъ недавно Вирховъ, должно быть признано неправильнымъ и вмѣсто него лучше употреблять названiе «цельтъ» (отъ лат. celtis).

2) Раскопка г. Пономарева была опубликована только въ 1892 г., въ «Извѣстiяхъ» Казанскаго Общества Археологiи и Этнографiи.

ческимъ Обществомъ „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній“, заключающій въ себѣ трудъ А. А. Спицына: „Археологическія изысканія о древнихъ обитателяхъ Вятской губерніи“. Въ этомъ трудѣ г. Спицынъ описалъ, между прочимъ, весьма обстоятельно такъ называемыя „костеносныя“ городища, которыя онъ нашелъ возможнымъ приурочить къ эпохѣ Ананьинскаго могильника. Несмотря на то, что культура этихъ городищъ гораздо бѣднѣе Ананьинской, что большинство найденныхъ здѣсь издѣлій—костяныя, почтенный изслѣдователь усмотрѣлъ однако нѣкоторыя особенности, сближающія эти городища съ эпохой бронзоваго вѣка. Рядомъ съ костяными стрѣлами, ножами, ложками, шилами, лопаточками, рыболовными крючками, гарпунами и т. д. (а также каменными молотками, клиньями, стрѣлками) здѣсь было найдено и нѣсколько бронзовыхъ цельтовъ, стрѣлокъ, иглъ, формы для отливки цельтовъ и мѣдныхъ украшеній, многіе тигли, пугцы, льячки, указывающіе на литье мѣди, и даже немногія издѣлія изъ желѣза. Всѣ эти хотя и рѣдкіе слѣды знакомства съ металлами, совмѣстно съ нѣкоторыми особенностями орнамента и рѣзныхъ изображеній (напр., дракона, грифоновъ) дѣлали весьма вѣроятнымъ предположеніе г. Спицына, тѣмъ болѣе, что въ указанныхъ городищахъ не было найдено вовсе бронзовыхъ (шумящихъ) подвѣсокъ и другихъ украшеній позднѣйшей болгарской культуры. Тѣмъ не менѣе, самъ г. Спицынъ призналъ, что его предположеніе является не вполне убѣдительнымъ, во первыхъ потому, что Ананьинскій могильникъ остается одиночнымъ въ своемъ родѣ, во вторыхъ, что въ немъ вовсе не найдено характерныхъ для костеносныхъ городищъ костяныхъ стрѣлокъ, и въ третьихъ, что неизвѣстно вовсе городищъ съ характерными типами издѣлій Ананьинскаго могильника.

Въ такомъ положеніи былъ вопросъ о могильникахъ бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ, когда Московское Археологическое Общество поручило изслѣдованія въ той мѣстности Ф. Д. Нефедову. Г. Нефедовъ сталъ заниматься антропологическими и этнографическими изысканіями уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, по порученію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, причемъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ имъ сдѣланы были также раскопки въ Владимірской губ., Тургайской области и въ городищахъ Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. Въ 1887 г. имъ были производимы раскопки и по порученію Московскаго Археологическаго Общества—въ Оренбургскомъ краѣ, землѣ Уральскаго казачьяго войска, Тургайской области, Самарской губ., при чемъ были констатированы и слѣды болѣе древней культуры, сходной съ Ананьинскою (бронзовые цельты въ курганахъ Самарской губ., желѣзные кнвжалы въ формахъ бронзовыхъ и т. п.). Весною 1893 года г. Нефедовъ получилъ извѣстіе отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ, что у одного селенія на Камѣ водою размыло древнія могилы съ находящимися при костяхъ мѣдными орудіями. Извѣстіе это побудило г. Нефедова обратить на него вниманіе Московскаго Археологическаго Общества, которое и поручило г. Нефедову произвести раскопки въ указанной мѣстности. Г. Нефедовъ, отправившись въ

Пермскую, Вятскую и Уфимскую губерніи, произвелъ раскопки въ могильникахъ у с. Дмитріевскаго (Котловки), у д. Ананьиной, также въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ и приобрѣлъ покупкою нѣкоторыя интересныя древности. Въ 1894 году г. Нефедовъ получилъ отъ Московскаго Археологическаго Общества приглашеніе продолжить начатыя имъ изслѣдованія, вслѣдствіе чего имъ были произведены дополнительные раскопки въ могильникахъ Котловскомъ и Пьяноборскомъ, также на многихъ городищахъ (текурахъ, шиханахъ) по теченію рѣкъ Камы и Бѣлой (до г. Уфы). Въ результатъ получились довольно значительныя коллекціи, существенно расширяющія имѣющіяся свѣдѣнія о слѣдахъ бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ.

Прежде всего заслуживаетъ вниманіе могильникъ у с. Дмитріевскаго или Котловки, открытый г. Нефедовымъ въ 1893 г. Могильникъ этотъ идетъ по обрыву праваго берега Камы, вдоль котораго тянется улица а за нею крестьянскія избы. Лѣтомъ 1893 г. г. Нефедовъ могъ вскрыть здѣсь 21 могилу съ остатками 28 покойниковъ, лежавшихъ головами къ С. и СЗ. Кости были настолько истлѣвши, что рассыпались отъ прикосновенія или отъ нихъ оставались только слѣды. При одномъ мужскомъ костякѣ по правую руку лежитъ цельтъ, около лѣвой руки бронзовый кинжалъ; въ головахъ кости животныхъ и глиняныя черепки; при другомъ — у правой руки — бронзовый наконечникъ копья, выше головы — камень, около котораго бычья кость, глин. черепки и 6 бронзовыхъ пластинокъ (отъ пояса?), обернутыхъ въ какую-то ткань. При женскихъ скелетахъ оказались, у одного — бронзов. шейная гривна, въ головахъ — кости животныхъ и черепки; у другого — двѣ конькообразныхъ привѣски на плечахъ и бронзовая бусина на шеѣ, въ головахъ камень, кости животныхъ и черепки, въ ногахъ два камня; у третьяго — на головѣ бронз. бляшки изъ парныхъ кружочковъ, на шеѣ низка бусъ (одна сердоликовая), на плечахъ бронзовые коньки, у пояса узорчатая, съ привѣсками, пряжка, въ головахъ черепки и кости животныхъ. Нѣкоторыя могилы представляли частичное погребеніе; въ одной изъ такихъ оказался только черепъ, позвонки и ручныя кости, причемъ у праваго плеча лежали костяныя стрѣлы, а у лѣваго — костяное долото и стрѣла; подлѣ черепа находился кусокъ мѣдной руды, сплавъ бронзы и обломки мѣдныхъ вещей, а выше — угли и черепки. Въ другой такой могилѣ оказался только черепъ и шейные позвонки; надъ головою лежали 2 кремневыхъ стрѣлки, 2 кремн. осколка, костяной съ орнаментомъ футляръ (или ручка), завернутый въ рогожку, кусокъ мѣди отъ руды и черепки. Лѣтомъ 1894 г. удалось отыскать еще 6 могилъ; въ одной изъ нихъ, въ головахъ лежала глиняная чашечка съ круглымъ дномъ, куски руды и черный обдѣланный камешекъ, у правой кисти 3 кремневыхъ стрѣлки, у лѣвой кисти — три бронзовыхъ стрѣлки и овальный камешекъ, въ ногахъ — бараньи кости, угли и черепки. Въ другой могилѣ — у кисти правой руки длинная кремневая стрѣлка и 6 бронзовыхъ, а у кисти лѣвой руки — бронзовый загнутый ножъ, бронзовая лопаточка и цельтъ; въ ногахъ — кости животныхъ, угли и черепки. У одного женскаго скелета на

шеѣ оказался круглый амулетъ изъ кости (черепной), съ отверстіемъ; около ушей и висковъ бронзовыя конусообразныя привѣски и бляшки, на груди—бронзовое украшеніе изъ 5 спаянныхъ колець, на пальцахъ правой руки 2 кольца, въ ногахъ угли и черепки. Въ другой женской могилѣ, на шеѣ костяка—бронзовая гривна и 8 бронз. бусъ, у лѣваго уха подвѣска, по бокамъ головы обломки бронзовыхъ спиралей, на поясѣ—бронз. пряжка въ видѣ веревочнаго банта и небольшая ручка (?) съ головой грифона весьма сходная съ добытой изъ Ананьинскаго могильника (у Аспелина), у правой ноги двѣ бронзовыхъ пластины (въ родѣ подошвъ) въ ногахъ—черепки и угли. У одного неполнаго скелета, въ числѣ вещей оказалась на поясѣ бляшка съ изображеніемъ хищнаго животнаго, съ поднятымъ и загнутымъ вдоль спины хвостомъ, схватившаго зайца (?), бронзовая пряжка съ городчатымъ на ней узоромъ и съ петелькой на задней сторонѣ, запонка съ изображеніемъ на ней головки какъ-бы въ коронѣ и разныя другія украшенія. Найдены были также бронзовые рыболовные крючки и маленькія бронзовыя спирали, но слѣдовъ желѣза не оказалось вовсе (за исключеніемъ, одного жел. колечка у бронзоваго рыболовнаго крючка). Сопоставляя этотъ могильникъ съ Ананьинскимъ, нельзя не видѣть многихъ чертъ сродства, напр. въ присутствіи частичныхъ погребеній, въ камняхъ у головы и ногъ покойниковъ, въ глиняной посудѣ съ круглымъ дномъ, въ бронзовыхъ цельтахъ, наконечникахъ копій и стрѣлъ, кинжалахъ, ручкѣ съ головкой грифона, птичкѣ съ петелькой (у Невоструева подобная же, но меньшей величины), также присутствіи кремневыхъ стрѣлокъ и т. д.; здѣсь не было найдено только желѣзнаго оружія, напр. желѣзныхъ кинжаловъ типа бронзовыхъ, что указываетъ, какъ-будто, на нѣсколько большую древность. Съ другой стороны—костяныя стрѣлы сближаютъ Котловскій могильникъ съ костеносными городищами, которыя напоминаетъ и бронзовая лопаточка, весьма сходная съ нѣкоторыми костяными орудіями того же типа (описанными г. Спицынымъ); амулетъ изъ черепной кости также напоминаетъ Ветлужское городище (см. о немъ статью: *Анушинъ*, „Амулетъ изъ кости человѣч. черепа“ и проч. въ „Трудахъ Вилен. Арх. Съѣзда“ I.). Наоборотъ, бронзовые коньки съ подвѣсками указываютъ какъ бы на болѣе позднюю эпоху, и такимъ образомъ какъ бы сближаютъ культуру Ананьинскаго могильника—съ одной стороны—съ культурой костеносныхъ городищъ, съ другой—съ такъ наз. болгарскою или культурой финскихъ могильниковъ средняго Поволжья.

Другой замѣчательный могильникъ, изслѣдованный г. Нефедовымъ, находится у с. Пьяный Боръ. Отсюда уже раньше были добыты характерныя большія бронзовыя грудныя бляхи, находящіяся въ Казанскомъ музеѣ, а также изображенныя и у Аспелина. Въ 1887 г. мнѣ также удалось пріобрѣсти изъ этой мѣстности, чрезъ посредство г. Суходоева, большую бляху (съ застѣжкой), разныя круглыя бляшки и обломки украшеній. Г. Нефедовъ могъ констатировать здѣсь слѣды нѣсколькихъ могильниковъ на возвышенныхъ частяхъ или холмахъ высокаго праваго берега Камы (второй терассы),

изолированныхъ одинъ отъ другаго дѣйствіемъ потоковъ. Холмы эти, лежащія позади села на сѣверъ и тянущіеся вдоль берега рѣки съ востока на западъ, называются крестьянами „городищами“, „шиханами“, „рѣлками“ (болѣе острые, конусообразные холмы); на нихъ оказались слѣды трехъ могильниковъ. Первый изъ нихъ, „городище“ былъ уже извѣстенъ ранѣе по находимымъ здѣсь вещамъ; теперь большая часть его размыта водой и раздута вѣтромъ, а около половины его площади застроено крестьянскими домами. Въ слояхъ черной земли и золы, гдѣ попадаются мѣстами и обломки костей, здѣсь удалось открыть остатки только двухъ женскихъ костяковъ съ разными при нихъ бронзовыми украшениями, частью костяного амулета, и пр., кромѣ того, среди беспорядочно разбросанныхъ костей и черепковъ были найдены бронзовые наконечники стрѣлъ, бронзовые плоскіе кружки, большая прорѣзная грудная бляха, цельтъ, спирали, фрагменты желѣзныхъ вещей и т. д., но въ особенности любопытною оказалось одна обломанная (съ негладкою, какъ бы изъѣденною поверхностью) бляха (съ петлею и крючкомъ), на которой изображены какихъ-то три животныхъ, пожирающихъ какъ бы жеребенка и видны еще части другихъ животныхъ. На западъ отъ этого могильника, около православнаго кладбища, нашлось еще нѣсколько древнихъ могилъ, въ томъ числѣ двѣ женскихъ съ разными мелкими при нихъ бусами, бронзовыми привѣсками въ формѣ бубенчиковъ и разными бляжками. Но болѣе цѣльныя и замѣчательныя погребенія были найдены на такъ наз. „рѣлкѣ“, гдѣ удалось отыскать семь могилъ (костяки лежали тоже головою на сѣверъ), съ полнымъ и частичнымъ погребеніемъ. При одномъ костякѣ, безъ ножныхъ костей, у правой кисти оказались: бронзовый цельтъ и кирка (или сѣкира), совершенно того же типа, какіе были найдены и въ Ананьинскомъ могильникѣ (именно съ головкою орла или грифона въ углу между передней половиною кирки и рукояткой), у лѣвой руки—бронзовый наконечникъ копья, на груди—бронзовая пуговица, круглая съ 7 отверстіями пряжка и бронзовыя бусы, навязанныя на какой-то истлѣвшій прутикъ; на мѣстѣ ногъ лежали бараньи кости, черепки и угли. Въ другой могилѣ (въ 5 аршинахъ отъ первой) изъ костей оказались только черепъ и кости правой руки; у руки этой лежала бронзовая кирка, тоже съ орлиной головкой, но совершенно особаго типа (задняя половина кирки въ формѣ заостреннаго уха или крыла), два цельта и бронзовый наконечникъ копья съ боковыми выступами, покрытыми узоромъ (насѣчкой); на мѣстѣ ногъ тоже лежали угли, черепки и бараньи кости. Въ другихъ могилахъ были найдены бронзовые цельты, бронзовыя бляшки на головахъ, бронзовый браслетъ на рукѣ, бронзовыя кольца, спирали, одна бронзовая гривна на шеѣ, бронзовыя иглы, маленькая прорѣзная бронзовая чашечка, бронзовыя пластины въ формѣ подошвъ около ногъ, разныя привѣски, бляшки (между прочимъ изъ парныхъ полуцилиндриковъ) и пр. Въ числѣ бусъ есть изъ желтаго янтаря, красной пасты, синяго стекла, чернаго гагата, но многогранныхъ сердоликовыхъ и изъ горнаго хрустала — нѣтъ. Характеръ погребеній и найденные при костякахъ предметы указываютъ во-

обще на культуру, сходную съ Ананьинскою. Многія издѣлья, напр. цельты, кирки, спирали, круглыя и парныя цилиндрическія бляшки—представляютъ, можно сказать, дублеты Ананьинскихъ. Любопытно, что здѣсь встрѣчаются нерѣдкіе слѣды желѣза, но не было найдено ни костяныхъ стрѣлъ, ни коньковъ и другихъ шумящихъ подвѣсокъ.

Г. Нефедовъ посѣтилъ таже окрестности с. Каракулина (выше по Камѣ), гдѣ въ 1893 г. профессоръ И. Н. Смирновъ нашелъ тоже слѣды древняго могильника, въ которомъ однако ему удалось найти только одинъ бронзовый наконечникъ копья, нѣсколько мѣдныхъ пряжекъ и обломковъ и глиняные черепки. По словамъ г. Нефедова мѣстность эта извѣстна у населенія подъ названіемъ „Клестъ“; она оказалась засѣяною хлѣбомъ, а потому раскопки въ ней оказались невозможными. По обрыву берега, впрочемъ, удалось констатировать слѣды нѣсколькихъ могилъ, въ которыхъ были найдены: привѣска бубенчикомъ, пластинка съ узоромъ и петлей и нѣсколько бляшекъ.— Что касается Ананьинскаго могильника, то онъ посѣщенъ былъ Нефедовымъ еще ранѣе, въ 1891 г., а затѣмъ въ 1893 и 94 гг., причемъ въ 1891 г. ему удалось отыскать тамъ нѣсколько, еще нетронутыхъ могилъ, а въ послѣдующіе пріѣзды собрать еще серію вещей, въ томъ числѣ—цельты, наконечники стрѣлъ, желѣзный кинжалъ типа бронзовыхъ, разныя пластинки и бляшки (въ томъ числѣ характерныя изображенія какихъ то животныхъ, въ родѣ жуковъ) и т. д.

Въ с. Чегандѣ г. Нефедовъ встрѣтилъ одного крестьянина, у котораго оказалось нѣсколько мѣдныхъ пуговицъ и бляшекъ, найденныхъ имъ при раскопкахъ поля. Крестьянинъ согласился показать мѣсто, гдѣ были найдены вещи и за извѣстное вознагражденіе дозволить раскопку на засѣянномъ полѣ. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ —1 аршина здѣсь посчастливилось напасть на кладъ: въ одномъ мѣстѣ оказалась грудка изъ 60 парныхъ бронзовыхъ полуцилиндриковъ (г. Теплоуховъ считалъ ихъ за игольники, но, очевидно, это части пояснаго или иного набора); далѣе нашлась кучка изъ 27 штукъ подобнаго же набора въ видѣ парныхъ развилокъ или загнутыхъ на концахъ и заостренныхъ парныхъ трубочекъ; затѣмъ—кучка бляшекъ въ видѣ трехпалыхъ лапокъ съ перепонками и съ кружочками на концахъ и наконецъ — кучка круглыхъ пуговицъ и небольшихъ плоскихъ дисковъ. Всего нашлось безъ малаго до 200 вещицъ, подобныя которымъ были встрѣчены отчасти и въ могильникахъ, а также на нѣкоторыхъ городищахъ по Камѣ и Бѣлой.

Изъ городищъ, г. Нефедовымъ было изслѣдовано 8, именно: 1) Чертово городище близъ г. Уфы, на правомъ берегу р. Уфы; 2) Городище близъ Благовѣщенскаго завода, на правомъ берегу р. Бѣлой; 3) Ханское городище, на Бѣлой, близъ башкирскаго села Новаго Медведова; 4) Городище близъ д. Ильнешъ, Сарапульскаго уѣзда; 5) „Городокъ“ у д. Муновой; 6) у с. Свиногорья, въ Елабужскомъ у. и 8) у д. Грохань, на правомъ берегу Камы, Мамадышскаго у., Казанской губерніи.

На городищѣ у завода Благовѣщенскаго были найдены такія же брон-

зовыя бляшки въ видѣ лапокъ и парныхъ полуцилиндриковъ, какъ и въ Чегандѣ, кромѣ того бронзовыя стрѣлки, кремневое орудіе и большое желѣзное копье. Ханское городище дало только глиняные черепки. Въ городищѣ у д. Муновой нашлись разныя мелкія бронзовыя вещицы, а въ городищѣ у д. Ильнешь—костяная обломанная рогулька съ отверстіемъ, бронзовое изображеніе лошади (каждая пара ногъ въ видѣ одного жгутика, которые соединены внизу также витой перекладиной), желѣзный мечъ и наконечникъ булавы съ выступами, совершенно той же формы, какъ изображенныя г. Лахачевымъ въ его атласѣ Билярскихъ древностей. Въ земляномъ валу у с. Свиногорья найдены были бронзовыя и желѣзныя стрѣлы, желѣзные ножи и каменный молотокъ съ желобкомъ вокругъ. Но особенно замѣчательнымъ должно быть признано городище у д. Грохань, на правомъ берегу Камы, немного ниже устья р. Вятки; валъ этого городища ссыпанъ изъ земли и камней. Здѣсь за валомъ удалось найти одну могилу, съ костякомъ, лежавшимъ головою къ югу; около черепа оказались сосуды изъ листовой мѣди, а далѣе на площадкѣ разныя костяныя, бронзовыя и желѣзныя вещи. Въ валу, ниже его основанія на аршинъ, открылись „каменки“, печи съ толстыми слоями около нихъ золы, костей животныхъ и черепковъ. Между костями и черепками было найдено нѣсколько любопытныхъ вещей, какъ-то: короткій бронзовый цельтъ; мѣдная ручка отъ желѣзнаго ножа, съ кольцомъ, покрытая узорами изъ кружковъ, спиралей и городковъ; желѣзный ножъ съ длинной загнутой рукояткой; бронзовая пластина (въ родѣ подошвы), но загнутая и съ гвоздиками; глиняный кружокъ съ изображеніемъ на немъ многихъ головокъ грифоновъ; бронзовый большой плоскій кружокъ (тарелка?); мѣдный, особенной формы, наконечникъ копья, почти совершенно похожій на такой же, найденный здѣсь же, костяной—изъ срѣзанной трубчатой кости, и другія.

Отъ городищъ г. Нефедовъ отличаетъ „Текуры“, громадныя изолированныя земляныя насыпи на поемныхъ мѣстахъ, но никогда въ разливы не затопляемыя. Два такихъ „Текура“ находятся въ долинѣ р. Тоймы, близъ с. Тиханова или Пустобаева, и два по обоимъ берегамъ р. Бѣлой, недалеко отъ ея устья. Въ большомъ текурѣ у Пустобаева (съ окружностью, при основаніи, до 200 сажень) найдены были при раскопкахъ: кремневыя стрѣлки, овальный камешекъ съ узоромъ, бронзовый наконечникъ копья съ боковыми прорѣзами, сланцевые топорики, бруски и т. д. Въ текурѣ на правомъ берегу Бѣлой (напротивъ Чеганды) оказались такія же бронзовыя украшенія, какъ и тамъ, бронзовыя стрѣлки, кружки, мѣдный цельтъ съ ушкомъ, желѣзные ножи и наконечникъ копья.

Кромѣ того, г. Нефедовымъ добыты; изъ „Старыхъ Селищъ“—близъ д. Ананьиной—любопытное бронзовое изображеніе лошади, овальная прорѣзная бляшка съ крестомъ внутри и бронзовый трехлопастной листикъ; при урочищѣ Гремучій ключъ—желѣзный кинжалъ типа бронзовыхъ и большія желѣзныя удила (въ родѣ тѣхъ, какія были найдены въ Ананьинскомъ мо-

гильникѣ); изъ окрестностей с. Новаго Медвѣдова—желѣзный шлемъ (мисюрка) съ кольчужнымъ покрытіемъ для шеи и изъ Чердынскаго уѣзда—такъ наз. чудскіе образки, серьги, желѣзныя стрѣмена, топоръ и 2 ральника.

Изъ сказаннаго видно, что изслѣдованія г. Нефедова во многомъ дополнили имѣвшіяся данныя о доисторическихъ древностяхъ Прикамья. Открыты и изслѣдованы новыя могильники Ананьинскаго типа (Котловскій и на „рѣлкѣ“ у с. Пьяный Боръ), причемъ найдены предметы какъ совершенно сходныя съ Ананьинскими, такъ и оригинальныхъ типовъ. Въ-стѣ съ тѣмъ добыты данныя, доказывающія связь этой культуры съ культурой костеносныхъ городищъ съ одной стороны и съ позднѣйшей болгарской—съ другой, открыто также нѣсколько городищъ и „текуровъ“, отчасти близкихъ къ эпохѣ Ананьинскаго могильника, отчасти болѣе позднихъ, добыты любопытные предметы изъ городища у д. Грохань, открытъ цѣлый кладъ бронзовыхъ украшеній у с. Чеганды и получены разныя вещи изъ многихъ находокъ по Камѣ, Бѣлой и изъ Чердынскаго уѣзда. Если принять во вниманіе изслѣдованія и раскопки, произведенныя г. Нефедовымъ ранѣе, въ Уфимской, Самарской, Оренбургской губ. и Тургайской области и давшія значительныя коллекціи, имѣющія быть описанными въ изданіяхъ Мос. Археологическаго Общества, то нельзя не признать, что едва-ли кто поработалъ болѣе за послѣдніе годы для изслѣдованія на мѣстѣ приуральскихъ и прикамскихъ древностей, чѣмъ г. Нефедовъ, раскопки котораго значительно обогатили имѣвшіяся коллекціи и существенно расширили фактическія свѣдѣнія о доисторической эпохѣ Приуралья.

Д. Анучинъ.

III

Первый международный съѣздъ христіанскихъ археологовъ въ Сплѣтѣ (Spalato).

$\frac{8-10}{20-22}$ августа 1894 года.

Страхъ холеры, обуявшій въ 1893 году Европу, былъ причиною отмѣны перваго съѣзда христіанскихъ археологовъ, назначеннаго было на 3—8 сентября н. ст., и перенесенія его на 20—22 августа н. с. 1894 года.

У подготовительнаго комитета явился, такимъ образомъ, цѣлый годъ, которымъ комитетъ и воспользовался какъ нельзя лучше: ко дню открытія съѣзда появилось четыре спеціальныхъ изданія, ему посвященныхъ.

Для пріѣзжихъ членовъ съѣзда наиболѣе полезенъ былъ, конечно, путешеводитель по Сплѣту и Солину (развалинамъ древней Салоны), вышедшій

одновременно двумя изданиями: хорватскимъ и итальянскимъ. Prof. d-r L. Jelić, Mons. Dir. Fr. Bulić. Prof. S. Rutar.

Vodja po Spljitu i Solinu.

Guida di Spalato e Salona, versione dal croato.

in 8°, стр. 280 съ 20 табл. рисунковъ. Задръ (Zara). 1894 годъ.

Этотъ тщательно составленный и весьма подробный путеводитель въ началѣ (стр. 1 — 10) даетъ необходимыя практическія свѣдѣнія о Сплѣтѣ, затѣмъ слѣдуетъ историческое введеніе, состоящее изъ очерковъ топографіи ¹⁾ и исторіи области древней Салоны, исторіи самого города Салоны и исторіи Сплѣта (10—64); наибольшая же часть книги (65—222) посвящена описанію памятниковъ Сплѣта и салонскимъ древностямъ, хранящимся нынѣ въ трехъ складахъ, временныхъ музеяхъ, въ Сплѣтѣ.

Главная достопримѣчательность Сплѣта, дворецъ Діоклетіана, вмѣщавшій нѣкогда въ стѣнахъ своихъ весь городъ Сплѣтъ, описана на столько подробно, на сколько позволяла это авторамъ существующая литература, до сихъ поръ оставляющая, какъ извѣстно, этотъ замѣчательный памятникъ безъ достаточнаго вниманія: являются обширныя изслѣдованія о дворцахъ Рима и Константинополя, а связующее ихъ между собою звено все еще остается не изслѣдованнымъ въ достаточной степени, хотя большое количество дворцевъ Запада и Востока, древнѣйшихъ и позднѣйшихъ, даютъ для этого богатый матеріалъ. Авторы путеводителя не могли, разумѣется, подъять на себя столь обширной работы: они считаютъ знаменитую ротонду дворца (нынѣ соборъ) мавзолеемъ Діоклетіана, основываясь на словахъ Константина Багрянороднаго (ed. Bonn., III, p. 137) о церкви этой: *ὄπερ ἦν κοίτων τοῦ αὐτοῦ βασιλέως Διοκλητιανοῦ*,— и доказываютъ, что наименованіе ротонды храмомъ Діаны — новѣйшая выдумка; а для объясненія являющагося въ XI-мъ вѣкѣ наименованія этого же зданія *templum Jovis* предполагаютъ смѣшеніе имени Діоклетіана *Jovius* съ самимъ Юпитеромъ (стр. 93). Авторы привели все, что могли найти, о значеніи архитектурныхъ формъ и орнаментации дворца (стр. 82—85); но, сколь мало изслѣдована еще послѣдняя, видно изъ того напр., что ни въ путеводителѣ, ни въ специальной статьѣ сплѣтскаго уроженца архитектора *Hauser*'а ²⁾ не нашли мы даже упоминаній о двухъ мужскихъ рогатыхъ головахъ подъ консолями колоннъ Золотыхъ Воротъ, тѣмъ менѣе объясненій, суть ли это чисто декоративныя изображенія, или же онѣ имѣютъ какую-либо связь съ восточными рогатыми божествами ³⁾, вопросъ тѣмъ болѣе интересный, что подобныя изображенія встрѣчаются и на иныхъ римскихъ памятникахъ ⁴⁾. Описаніе ротонды сопровождается исторіей всѣхъ

1) Съ таблицею I-й: Arkeologična karta Solina i okolice.

2) Spalato und die römische Monumente Dalmatiens. Wien. 1883.

3) См., напр., рѣзной камень у Millin. Gallerie mythologique, pl. LXXV, № 311. Изображенія головъ этихъ на рис. Adams'a, конечно, не точны.

4) Двѣ рогатыхъ головы изъ Cilli у Conze. Römische Bildwerke einheimischen Fundort in Oesterreich. taf. XVI, A. B. и стр. III, 12—13, гдѣ однако о сплѣтскихъ головахъ

передѣлокъ, которымъ она подвергалась, будучи обращена въ соборъ, вплоть до послѣдней реставраціи архитекторомъ Перишичемъ по проектамъ Hauser'a, оконченной въ 1885 году; описаніе соборной ризницы украшено изображеніями нѣкоторыхъ древностей ея (табл. XII) и снимкомъ съ письма латинскаго евангелія VIII-го вѣка (табл. XIII), подробное описаніе котораго издано было къ съѣзду соборнымъ каноникомъ Девичемъ ⁵⁾.

Подробное описаніе реставрируемой нынѣ колокольни, построенной на мѣстѣ входнаго портика ротонды въ теченіе XIII—XVII вѣковъ ⁶⁾, и соборнаго баптистерія, устроеннаго въ XIII в. въ храмѣ, называемомъ въ XIII в. храмомъ Аскленія, а нынѣ безъ достаточныхъ на нашъ взглядъ оснований считаемою авторами (117) храмомъ Юпитера Капитолійскаго, гдѣ особенно интересна купель, изъ древнихъ плитъ съ рельефами, относимыми къ XI в. ⁷⁾, кончаетъ описаніе древностей бывшаго двора Діоклетіана.

Слѣдуетъ далѣе обширное описаніе всѣхъ трехъ отдѣленій археологическаго музея, почти всѣ древности котораго происходятъ изъ раскопокъ, ведущихся въ Салонѣ съ начала нынѣшняго столѣтія. Это подробное описаніе (стр. 120—199) важнѣйшихъ древностей является вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ каталогомъ ⁸⁾ музея, такъ какъ тутъ помянуты всѣ почти чѣмъ-либо интересные предметы. Нѣкоторыя изъ древностей музея изображены на таблицахъ XIV, XV, XVI и XVII, заимствованныхъ изъ изданія Oesterreich in Bild und Wort, а таблицы XIII, XVIII и XIX содержатъ вновь изготовленные рисунки мелкихъ древностей ⁹⁾.

Послѣдняя глава первой части описываетъ прочія древности и достопримѣчательности Сплѣта и его ближайшихъ окрестностей.

Слѣдующая часть (стр. 223—260) посвящена развалинамъ Салоны и

также не упоминается: von dieser Darstellung des Kopfes eines Stiermenschen ist mir, говоритъ авторъ, ausserhalb Cilli in Noricum oder angrenzenden Gebieten kein weiteres Beispiel bekannt, als auf dem Salzburger Mosaikfußboden (см. Arneht. Archeol. Analecten, taf. VII, но тамъ голова иного характера).

⁵⁾ G. Devich. L'evangelario Spalatense supplemento al Bulletino di Archaeologia e Storia Dalmata. a. 1893—1894.

⁶⁾ Романскіе рельефы ея изданы на VI-ой таблицѣ въ Ephemericis Spalatensis; см. ниже.

⁷⁾ Планъ баптистерія и плиты эти изданы въ Ephemericis Bihacensis на табл. XIV—XVI.

⁸⁾ Вышелъ лишь каталогъ надписей: Mons. Fr. Bulić. Inscriptiones quae asservantur in I. R. Musaeo Salonitano. Spalati, 1887.

⁹⁾ Находящіяся въ числѣ ихъ стеклянные кружки съ надписью: ἐπὶ ἰωάννου ἐπαρχου не суть „монеты“, какъ названы они на стр. 173; см. о нихъ статью С. Ott. Castignoli въ Giornali dell' I. R. Istituto Lombardo. T. I (1847), p. 118 sq.; о нихъ же Karabaček. Wiener Numismatische Zeitschrift. XI (1879), стр. 404 и сл., который думалъ, что они были destinati a verificare il peso delle monete (p. 123), и издалъ рядъ подобныхъ кружковъ съ греческими (табл. III, 43—46; ср. Guida di Spalato, табл. XIX, 461 и 462) и арабскими надписями. О подобномъ кружкѣ съ арабскою надписью X вѣка, найденномъ въ Салонѣ, говоритъ prof. W. Neumann, принимающій мнѣніе Кастиньоли (см. Dalmatische Küstenstädte, Separat-Abdruck der Beilage zu № 1 Monatsblätter des Wissenschaftlichen Club in Wien vom 5 October 1893, стр. 13).

произведеннымъ тамъ раскопкамъ. Приложенные планы всего города (II) и важнѣйшаго христіанскаго некрополя „Манастирине“ (III) позволяютъ ориентироваться не только при чтеніи описанія, но и при посѣщеніи самихъ развалинъ, разбросанныхъ среди виноградниковъ и хуторовъ прекрасной равнины, спускающейся отъ горъ къ морю. Изъ рисунковъ салонскихъ древностей (табл. XX—XXII) обратимъ вниманіе нашихъ читателей на планъ баптистерія и рисунокъ найденной тамъ нѣкогда мозаики (табл. XXI): два оленя „стремятся на источники водъ“, но не на дѣйствительный источникъ, а къ чашѣ съ водою, ибо мастеръ подъ словомъ fons понималъ не источникъ *πηγή*, а *φιάλη*—чашу или бассейнъ въ атриумѣ, или купель (fons baptismatis), хотя самый бассейнъ баптистерія имѣлъ иную форму—онъ былъ углубленъ въ землю, подобно тому какъ въ Херсонесѣ.

Особенно интересно сходство плана баптистерія этого съ херсонесскимъ: а именно двумя обширными помѣщеніями по сторонамъ восьмиугольнаго баптистерія. Не менѣе интересны капители четырехъ колоннъ, въ немъ найденныя, нынѣ въ I музеѣ (см. стр. 140, гдѣ стиль ихъ названъ „древне-христіанскимъ“ и рисунокъ одной на стр. 32 въ *Ephemeris Salonitana*) изъ бѣлаго съ синеватыми прожилками мрамора, богато украшенныя ажурной рѣзьбою изъ листьевъ, птичекъ, клюющихъ ягоды, рогами изобилія, павлинами съ распущенными хвостами и по угламъ прекрасно сдѣланными грифонами: весь стиль, напоминающій капители Равенны, Фессалоники и иныхъ мѣстъ Востока; и самый матеріалъ явно указываетъ, что эти капители происходятъ изъ одного общаго съ ними источника, а именно, какъ недавно прекрасно доказалъ это А. Л. Бертье Делагардь ¹⁰⁾ изъ каменоломень Проконесса.

Особенно тщательно и подробно описана, конечно, большая базилика и окружающія ее маленькія усыпальницы и гробницы „Манастирине“ ¹¹⁾, гдѣ покоились нѣкогда тѣла салонскихъ мучениковъ, гробницы которыхъ, засвидѣтельствованныя надписями, найдены были здѣсь при систематическихъ раскопкахъ, веденныхъ сперва проф. Главиничемъ, а затѣмъ Буличемъ. Последняя часть (261—278) содержитъ довольно краткія свѣдѣнія о Трогирѣ (Trau), Шибеникѣ (Sebenico), Книнѣ и другихъ городкахъ вплоть до устья Наренты, до Метковича, откуда идетъ ж. д., связавшая нынѣ Далматинское побережье съ Венгріей.

Таково содержаніе этого путеводителя, образцоваго по тщательности описаній, точности данныхъ, и осторожности въ гипотезахъ: такой гидъ, имѣющій въ виду не праздныхъ туристовъ, только и могъ быть составленъ лицами, не только издавна занимающихся описываемыми древностями, но и извлечшими многія изъ нихъ изъ подъ земли на свѣтъ Божій. Но если авторъ этого образцоваго путеводителя приходилось въ немъ по самой сущности книги ограничиваться компиляціями, правда, своихъ же по большей ча-

¹⁰⁾ Исслѣдованія Древняго Херсонеса. О херсонесскомъ баптистеріи, тамъ же, стр.

¹¹⁾ См. статью Елича „Das coemeterium von Manastirine zu Salona въ *Römische Quartalschrift* за 1891 г. и его же статьи въ *Ephemeris Salonitana* (см. ниже).

сти научныхъ изслѣдованій, то три остальныхъ изданія представляютъ уже сборники чисто научныхъ статей.

Ephemeris Salonitana qua monumenta sacra praecipue Salonitana in honorem I-mi Congressus christianae antiquitatis cultorum consilio et auctoritate C. R. Musaei archaeologici Salonitani illustrantur. Jaderae 1894 in 4°, стр. 58, съ 6 таблицами и рис. въ текстѣ—представляетъ согласно международному характеру съѣзда собраніе статей разныхъ авторовъ на разныхъ языкахъ.

Dr. A. de Waal—Der Fisch auf den christlichen Monumenten von Salona—сопоставилъ на табл. III нѣсколько изображеній рыбы на различныхъ древностяхъ изъ Салоны.

A. Hytrek.—Starokršćansko grobište Sv. Sinerota u Sriemu—даетъ краткое описаніе, сопровождаемое чертежами, раскопокъ, произведенныхъ имъ въ 188²/₃ году на мѣстѣ древняго Срѣма (римскій Sirmium, нынѣ Митровица) съ цѣлью найти базилику св. Синерота, мученика времени Диоклетіана, указаніе на которую встрѣтилось въ двухъ найденныхъ близъ Митровицы надписяхъ. На одной таблицѣ (I-ой) авторъ даетъ планъ своихъ раскопокъ и по незначительнымъ остаткамъ кирпичныхъ стѣнъ возстановляетъ слишкомъ смѣло, на нашъ взглядъ, искомую базилику, а на другой (II-ой)—изображены раскопки базилики св. Димитрія, по предположенію автора, гдѣ, дѣйствительно, судя по плану ¹²⁾, найдены были двѣ базилики, изъ коихъ одна интересной формы—въ видѣ четверугольника съ абсидами на три стороны—спеціально примѣнявшейся для надгробныхъ церквей, какъ, напр., Ss. Sisto e Cecilia близъ Рима ¹³⁾. Стр. 11 и 12 содержатъ рисунки съ краткимъ текстомъ къ раскопкамъ 1892 года въ Салонѣ, въ такъ называемомъ „Марусинцѣ“, гдѣ, судя по надписямъ, покоился нѣкогда муч. Anastasius Cornicularius; вокругъ гробницы его выросло впоследствии христіанское кладбище, какъ около гробовъ мучениковъ въ „Монастирине“.

P. Thomas Maria Wehofer напечаталъ статью: Zur decischen Christenverfolgung und zur Charakteristik Novatians, ein Beitrag zur Kirchengeschichte des dritten Jahrhunderts.

Непосредственно древностямъ Салоны посвящена статья *Prof. Dr. L. Telić'a*: I monumenti scritti e figurati dei martiri Salonitani del cimitero della Lex sancta christiana (оно же и Монастирине) con tav. IV e V.

I-я часть заключаетъ новое изданіе по ркп. X в. сказанія, считаемаго проповѣдью какого-либо салонскаго епископа IV вѣка, о смерти Анастасія Фуллона: въ концѣ сказанія говорится о погребеніи тѣла его нѣкоей Асклепией in territoria salonitana и о построении надъ нимъ базилики.

II-я часть: le iscrizioni dei martiri, трактуетъ о найденныхъ около остатковъ этой самой базилики 10 надписяхъ съ именами мучениковъ изъ числа шестнадцати салонскихъ мучениковъ.

¹²⁾ Описаніе раскопокъ авторъ отлагаетъ для Трудовъ Съѣзда.

¹³⁾ См. Holtzinger, Altchristl. Architektur, fig. 177.

Въ толкованіи многихъ надписей, относимыхъ къ собственнымъ гробницамъ мучениковъ или мѣстамъ, куда тѣла ихъ положены были позднѣе, когда воздвигнута была на мѣстѣ погребенія Анастасія Фуллона большая базилика въ замѣнѣ древней маленькой, авторъ расходится иногда съ прежними толкованіями Булича, де-Росси и даже Моммсена и предлагаетъ свои собственные, иногда болѣе удачныя, каково, напр., чтеніе монограммъ на саркофагѣ мч. Гаіона, несомнѣнно болѣе вѣрное, нежели чтеніе, предложенное покойнымъ де-Росси.

III-я часть: I monumenti figurati, сперва описываетъ мозаику въ капеллѣ св. Венанція въ Латеранѣ (рис. на табл. V, 12), куда перенесены были въ 641 г. папою Іоанномъ IV тѣла десяти салонскихъ мучениковъ, которые и изображены на мозаикѣ этой, а затѣмъ весьма интересный памятникъ, найденный въ Салонѣ и доставленный на съѣздъ въ оригиналѣ изъ Загребскаго музея, гдѣ онъ хранится (рис. на табл. V, рис. 11). Это мраморная плита прямоугольная съ одной стороны и полукруглая съ другой, углубленная въ срединѣ и украшенная по широкимъ возвышающимся краямъ плоскими рельефными изображеніями на прямой сторонѣ Іоны, а на образующихъ аркаду 6 фигурами со свитками и крестами, стоящими подъ аркадами. Плита сломана вдоль и осталось менѣе половины: всѣхъ фигуръ, должно было быть 19. Исходя изъ формы плиты этой и расположенія фигуръ авторъ предполагаетъ, что плита эта стояла вертикально въ алтарѣ, какъ преграда „pettorale“, и дѣлаетъ невозможную, на нашъ взглядъ, гипотезу о существованіи нѣкоторой связи между этой плитою и мозаической росписью абсиды св. Венанція. Назначеніе этой плиты остается для насъ непонятнымъ: находящійся въ Вѣнскомъ музеѣ (Зала IX, витр. VIII, № 149) обломокъ, но съ языческими изображеніями, показываетъ, что назначеніе салонской плиты могло быть и чисто практическое, безъ всякаго отношенія къ церкви; если назначеніе виддинскаго фрагмента вѣрно опредѣлено Schneider'омъ (въ *Uebersicht der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses*. Wien. 1894, стр. 76), какъ плоскаго квадратнаго бассейна, стоявшаго на одной ножкѣ, то съ одной стороны надо то же назначеніе приписать и салонской плитѣ, а съ другой предположить, что и виддинскій бассейнъ былъ не квадратный и при значительной величинѣ не могъ стоять на одной лишь ножкѣ.

Prof. I. P. Kirsch — *Le Bon Pasteur sur les monuments chrétiens de Salone*—описываетъ сперва по отдѣльности изображенія Добраго Пастыря на различныхъ памятникахъ, изображенныхъ на стр. 35-й, а затѣмъ дѣлаетъ общія замѣчанія, въ которыхъ приходитъ къ предположенію объ особой школѣ скульпторовъ въ Салонѣ, „какъ, напр., въ Равеннѣ“, на томъ лишь основаніи, что на двухъ саркофагахъ Добрый Пастырь „носитъ палліумъ или, м. б., родъ хламиды поверхъ туники—особенность, которая происходитъ, вѣроятно, отъ костюма, носившагося въ эту эпоху далматинскими пастухами“ (стр. 36). Но неужели авторъ полагаетъ, что пастухи прочихъ мѣстъ могли

обходиться безъ плащей и довольствоваться во всякое время года одной рубашкой? Кромѣ того, это предположеніе о мѣстной школѣ, „какъ, напр., въ Равеннѣ“, высказано какъ разъ по поводу большаго, прекраснаго саркофага ¹⁴⁾ „en marbre blanc avec des veines de couleur bleuâtre“, т. е. изъ мрамора проконесскаго. А потому и является у насъ, слѣдуя прекрасной гипотезѣ Бертье-Делагарда, именно по поводу Равенны, предположеніе: не привезенъ ли и этотъ саркофагъ готовымъ изъ каменоломень Мраморнаго моря? Указываемое авторомъ сходство плиты отъ преграды (№ 7) съ равенскимъ саркофагами (а также многими иными плитами Востока и Запада изъ того же проконесскаго мрамора) также проще всего объяснится этой гипотезой. То же происхожденіе можно предполагать и для № 6, считаемаго авторомъ за фрагменты саркофага, тогда какъ это (II музей № 161, Д) статуэтка, основаніе которой находится въ томъ же музеѣ (№ 160, Д), подобная указываемымъ авторомъ статуэткамъ Рима, Греціи и Константинополя, а также—кромѣ капителей баптистерія (см. выше) — для фрагмента капители того же византійскаго стиля съ бычачьими головами (I музей, III комната, № 45 Д), для витой колонны, вложенной въ ворота, ведущія къ „Манастирине“, и для другихъ издѣлій изъ бѣлаго съ синеватыми прожилками проконесскаго мрамора.

Кончается *Ephemeris Salonitana* обширной статьей *Jos. Wilpert'a: Die altchristliche Inschriften Aqiuleja's (37—57)*, гдѣ изданы въ прекрасныхъ факсимиле 16 избранныхъ христіанскихъ надписей Аквилеи, интересныхъ помимо ихъ содержанія начерченными при нихъ изображеніями то орантъ, то умершихъ, изображеніями, которыя авторъ старается объяснить символически: такъ напр., № 16, мужскую фигуру, держащую лѣвой рукой за ушко большую амфору, а правой подносящую молотокъ, авторъ толкуетъ какъ символическое изображеніе тлѣнности плоти, т. е. зачастую она сравнивается съ сосудомъ: въ *Peristephanon V. 301—304* ангелъ говоритъ мученику:

„Pone hoc caducum vasculum
Compage textum terrea
Quod dissipatum solvitur
Et liber ad coelum veni“.

„Стоитъ, говоритъ авторъ, вставить вмѣсто „pone“ равно значущее ему „gumpe“, и получится возможность этимъ текстомъ объяснить это изображеніе“. Хотя вообще символическіе толкованія намъ не по душѣ, но въ этомъ нельзя не признать большаго остроумія. Въ числѣ иллюстрацій этого сборника кромѣ относящихся къ статьямъ находятся еще виды Салоны въ концѣ XVII-аго и XVIII-аго вѣка.

Ephemeris Spalatensis qua monumenta inprimis Spalatensia in honorem I Congressus christianae antiquitatis cultorum consilio et auctaritate VI virorum

¹⁴⁾ О немъ существуетъ цѣлая литература; она указана Еличемъ въ вышеупомянутой статьѣ его въ *Römische Quartalschrift* 1891 года, гдѣ онъ снова издалъ на табл. III—IV и объяснилъ этотъ саркофагъ.

instruendo Congressui Societatis archaeologicae historicae Bihac, nec non ephemeridis archaeologicae historicae Dalmatiae illustratur. Jaderae 1894 in 4° стр. 40 съ рис. въ текстѣ и 6 таблицами.

Первая статья *Л. Елича*: Prvobitno opredeljenje Spljetske stoljne crkve (стр. 1—4), доказываетъ высказанное въ путеводителѣ мнѣніе о первоначальномъ назначеніи ротонды и храма.

Главнымъ доказательствомъ является (приведенное уже выше) свидѣтельство Константина Багрянороднаго, что храмъ св. Дуйма былъ нѣкогда у Діоклетіана „китонемъ“ (*κοιτων*), что авторъ безо всякихъ оговорокъ переводитъ „усыпальница“, хотя слово это никогда въ такомъ значеніи не употреблялось, обозначая всегда лишь „спальню“ „cubiculum“, (см. Боннское изд. Константина Б., т. II р. 520—521); говоря же объ усыпальницахъ императоровъ, Константинъ употребляетъ античное слово *ἡρῶον* (ib. I pp. 642—644, ср. II, р. 756). Поэтому авторъ ошибается, переводя слово *κοιτων*, какъ „усыпальница“ (*κοιμητήριον*, mausoleum). Итакъ это доказательство—невѣрно. Но изъ этого все же не слѣдуетъ, чтобы не вѣрна была мысль автора о томъ, что ротонда была дѣйствительно мавзолеемъ Діоклетіана: дѣло въ томъ, что рассказы Константина о дворцѣ вовсе не столь авторитетны, чтобы ихъ цѣликомъ принимать: въ то время дворецъ уже сильно разрушился (III, р. 126—137), и авторъ, очевидно, назначеніе сохранившихся частей угадывалъ лишь, какъ то приходится дѣлать теперь; такъ подвалы въ субструкціяхъ ротонды объяснял онъ (III, р. 138), какъ темницы мучениковъ, колоннады внутреннихъ дворовъ, какъ основанія платформы для задуманнаго якобы Діоклетіаномъ воздушнаго замка, (III, р. 57), и церковь св. Дуйма, какъ „китонъ“ (III, р. 137). Очевидно нельзя принимать на вѣру этихъ догадокъ. Иное дѣло, почему въ ротондѣ этой онъ видѣлъ „китонъ“; какъ раньше *J. v. Schlosser*¹⁵⁾ видать „consistorium“, очевидно потому, что для этого покоя употребительна была круглая форма. Но этого одного, очевидно, недостаточно,—и ротонда могла быть въ дѣйствительности мавзолеемъ, а не китонемъ Діоклетіана, и мнѣніе Елича весьма вѣроятно, но только текстъ Константина говоритъ противъ него и никакъ въ подтвержденіе мнѣнія этого проводимъ быть не можетъ. Сказать же что либо рѣшительное до спеціальнаго разбора кѣмъ либо топографіи дворца Діоклетіана кажется намъ невозможнымъ.

Мнѣніе *Lanzi*, якобы ротонда была храмомъ Діаны, а храмъ (баптистерій)—усыпальницей Діоклетіана, справедливо опровергается авторомъ, хотя нѣкоторые изъ 12 пунктовъ возраженій и не кажутся намъ вполне справедливыми, напр.: можно найти сколько угодно мавзолеевъ въ формѣ храма *inantis* и въ Сиріи, и въ Африкѣ (пунктъ 7), сфинксы же ничего о назначеніи самаго зданія свидѣтельствовать не могутъ, т. к. римляне употребляли ихъ просто для декораціи и не однихъ только мавзолеевъ, да и у Египтянъ сфин-

¹⁵⁾ Sitzungsberichte d. Wiener Akademie. Ph. Hist. Cl. CXXIII, 1 стр. 53. (1891).

ксы вовсе небыли „izključivi simboli smrti“ (пунктъ II) и ставились часто передъ храмами, не имѣвшими никакихъ отношеній къ культу мертвыхъ.

Dr. A. de Waal своимъ *Relazione di un viaggio archeologico in Dalmazia* (въ римской *Academia dell' archeologia sacra*), стр. 5—8, ничего новаго читателямъ сборниковъ не даетъ.

Обширная статья (стр. 9—22) *Dr. Alb. Ehrhard'a*: „Die altchristliche Prachtthüre von S. Sabina in Rom und die Domthüre von Spalato“, пересматриваетъ еще разъ рельефы св. Сабины, даетъ нѣкоторымъ изъ нихъ новыя толкованія и опредѣляетъ время ихъ изготовленія VI-ымъ вѣкомъ, т. к. ранѣе дверь завѣшивалась завѣсою (*velum*), которая могла служить по крайней мѣрѣ 70—80 лѣтъ послѣ основанія церкви въ 430 г. Но авторъ самъ приводитъ на рельефѣ одного соркафага примѣръ одновременнаго употребленія и завѣсы и дверей (стр. 19). Авторъ признаетъ важнѣйшее значеніе вопроса о принадлежности дверей этихъ римской или византійской школѣ, но самъ его не разсматриваетъ, почему, какъ намъ кажется, онъ только и можетъ согласиться съ порадоксальнымъ мнѣніемъ, якобы двери Гильдесгеймскія (XI в.) и сплѣтскія (XIII в.) суть подражанія дверямъ Св. Сабины: если бы авторъ обратилъ побольше вниманія на памятники византійскіе, то онъ увидалъ бы, что сходныя на всѣхъ трехъ дверяхъ композиціи—просто шаблонныя изображенія византійскаго происхожденія, и ни о какомъ непосредственномъ подражаніи Андрея Бувины, изготовившаго въ 1205 году сплѣтскія двери, дверямъ св. Сабины не можетъ быть и рѣчи. Ein technischer Moment von grösster Wichtigkeit, усмотренный авторомъ въ сходствѣ орнаментовъ, намъ таковымъ вовсе не кажется, т. к. разница, указываемая самимъ же авторомъ, гораздо болѣе мнимаго сходства, происходящаго отъ сходства конструкции всѣхъ дверей вообще. Авторъ самъ не указываетъ на существеннѣйшую разницу между этими дверями въ содержаніи рельефовъ: въ св. Сабинѣ—паралельные моменты изъ Вѣтхаго и Новаго завѣта, въ Сплѣтѣ—исключительно изъ Новаго завѣта.

Впрочемъ авторъ занимается болѣе дверями св. Сабины; а въ общемъ заключеніи, кромѣ сѣтованій на современный упадокъ христіанскаго искусства, онъ, указывая на ту громадную разницу въ стилѣ и композиціи, которая замѣтна между разновременными дверями Гильдесгейма и Сплѣта, предполагаемыми копіями дверей св. Сабины, требуетъ пересмотра хронологическихъ опредѣленій такъ наз. „антиквизирующихъ“ рѣзныхъ изъ кости рельефовъ начала среднихъ вѣковъ, относимыхъ къ IX—XI в., полагая возможнымъ считать ихъ болѣе древними, такъ какъ, по словамъ автора, подражаніе антику является лишь въ искусствѣ XIX вѣка (!).

На стр. 23 и 24 даны рисунки церковки св. Мартина X или XI вѣка, устроенной надъ золотыми воротами Діоклетіанова дворца; преграда внутри церкви напоминаетъ древнѣйшіе византійскіе иконостасы, но она дѣлитъ церковку почти пополамъ, а не отдѣляетъ одинъ лишь алтарь.

G. Alačević. La torre di Nervoja (стр. 25—32). Восьмиугольная башня,

стоящая близъ моря у юго-зап. угла дворца, носитъ имя башни Хервоя Вукича, босняка, богомила, которому въ 1403 году король венгерскій Владиславъ дѣлъ во владѣніе Сплѣтъ и окрестныя области, съ титуломъ герцога. Алачевичъ въ статьѣ своей доказываетъ, что эта башня есть часть венеціанской крѣпости XV вѣка; замокъ же Вукича, разрушенный народомъ послѣ его смерти, находился къ вост. отъ дворца. Въ числѣ рис. на стр. 23 изданъ видъ венеціанской крѣпости въ 1549 году, по картинѣ сплѣтскаго художника Geronimo di Santa Croce, находящейся въ церкви Maria di Palude (см. Guida, p. 217).

Послѣдняя статья этого сборника prof. W. Neumann'a: Ueber das alte Evangeliar des Capitelarchives zu Spalato. Разбирая эту упомянутую уже нами ркп., онъ относитъ ее къ VIII вѣку и предполагаетъ происхожденіе изъ верхней Италіи. Иллюстраціи этого сборника и въ текстѣ и на VI таблицахъ изображаютъ древности Сплѣта: на табл. I историческій планъ города, на стр. 1 видъ города въ 1688 году и т. п.

Наконецъ, третій сборникъ посвященъ временамъ позднѣйшимъ: *Ephemeris Bihačensis. Jaderae*, 1894, стр. 24 (не окончено) съ XXX таблицами ¹⁶⁾.

Prof. S. Rutar, *Das Ruinenfeld von Bihač* (планъ на стр. 4), описываетъ незначительные остатки древности на равнинѣ сѣвернаго берега Каштелянскаго залива (между Салоной и Трогиромъ), гдѣ нѣкогда находился замокъ Bihač (Бигачъ), резиденція хорватскихъ бановъ, который помѣщался близъ теперешней деревни Стомрате (=Sta Martha, съ церковью этой святой), такъ какъ имѣется указаніе отъ 862 года, что банъ Трпимиръ творилъ судъ передъ церковью св. Марты.

G. Alačević—*Lo sviluppo della citta di Spalato sotto l'aspetto fortificato*—даетъ исторію укрѣпленій Сплѣта, начиная со временъ построения Діоклетіаномъ своего дворца по образцу римскихъ лагерей и кончая венеціанскими укрѣпленіями XVII в., воздвигнутыми противъ турокъ. Далѣе слѣдуетъ начало интересной публикаціи средневѣковыхъ памятниковъ Далмаціи.

I monumenti medioevali della Dalmazia. Предисловіе говоритъ объ общемъ обзорѣ важнѣйшихъ памятниковъ; рисунки на 30 таблицахъ изображаютъ памятники различныхъ городовъ; но къ сѣзду не удалось издать предполагаемаго текста, и онъ будетъ изданъ впоследствии.

I. *Les Monuments du Moyen âge de Knin*, стр. 12—15, табл. I—XIII, представляютъ сокращеніе I-го выпуска начатаго сочиненія Булича *Hrvatski spomenici i Kninkoj okolici* (*Opera Academiae scientiarum et artium Slavorum Meridionalium*, tom VIII. Загребъ, 1888, in 4°, стр. 44, табл. 18).

Въ этомъ сокращеніи вкратцѣ лишь описываются фрагменты интересные по ихъ орнаментациі (плетенія) и читаются надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ; памятники относятся къ IX и X вѣку и найдены близъ города Книна, древней столицы хорватскихъ князей; фрагменты эти интересны сходствомъ ихъ съ плитами, изъ которыхъ устроена купель въ соборномъ баптистеріи, по

⁶⁾ Ср. Археол. Извѣстія и Забѣтки, 1895, № 4, стр. 129.

поводу которых на съѣздѣ велись столь ожесточенные дебаты, какъ увидимъ ниже.

II. I monumenti medioevali di Zara (tom XIX—XXIII), стр. 17—22.

1. *Prof. G. Smirich*. La collezione dei monumenti medioevali nel Museo di S. Donato in Zara. Каталогъ средневѣковыхъ памятниковъ Задрскаго музея, помѣщающагося въ интереснѣйшемъ восьмиугольномъ зданіи, относимомъ къ VIII вѣку ¹⁷⁾.

Часть перечисленныхъ скульптуръ изображена на табл. XIX, на изданія нѣкоторыхъ въ *Mitth. d. Central—Commission* и другихъ книгахъ сдѣланы указанія. Тщательно указаны размѣры и мѣста находки; изъ указаній этихъ узнаемъ, что №№ 36—39 добыты были въ развалинахъ шестиугольной церкви св. Урсулы, разрытыхъ въ 1883 году извѣстнымъ покойнымъ русскимъ архитекторомъ-археологомъ Ѳедоромъ Чагинымъ; имъ же подаренъ № 34.

2. *S. Pietro vecchio in Zara, del prof. G. Smirich* (tom XXI, fig. 3) описываетъ (стр. 22—23) церковку, считаемую древнѣйшею въ Зарѣ, VII—VIII в., весьма оригинальной формы въ два нефа; еще оригинальнѣе полукруглая стѣнка, около метра вышиною, съ проходомъ въ ней, примыкающая къ широкому открытому порталу, такъ что образуется какъ бы экседра, открытая наружу. Эту и еще другую подобную стѣнку авторъ склоняется объяснять, какъ перегородки между мѣстами для мужчинъ и женщинъ; но, казалось бы, это уже прекрасно исполняется рядомъ колоннъ, дѣлящихъ церковь пополамъ вдоль.

3. Статья: *La chiesetta „de Pusterla“*, del prof. *G. Danilo* (стр. 24), осталась неоконченной еще; здѣсь описывается оригинальная церковка, относимая авторомъ къ VIII—IX-му вѣку, разрытая въ 1883—1884 гг. Ѳ. Чагинымъ (см. выше), имени котораго однако въ напечатанной части почему-то не упоминается. Церковка эта замѣчательна ея оригинальною формой: къ ротондѣ съ пятью абсидами вмѣсто шестой примыкаетъ четырехугольная пристройка, съ боку которой находится еще выступъ со входною дверью, а между этимъ выступомъ и ближайшей абсидой найденъ былъ саркофагъ, выдолбленный изъ барабана античной колонны. Внутри сохранились слѣды балюстрады, отгораживавшихъ три абсиды отъ прочаго пространства ¹⁸⁾.

4. *Brevis historia primi Congressus Arch. Christ. Spalati Salonis habendi in 8°*, стр. 20, Spalati. 1894. Содержитъ очеркъ дѣятельности предварительнаго комитета и списокъ членовъ съѣзда.

Таковы изданія, появившіяся къ открытію съѣзда. Пріѣзжіе сразу получили возможность ознакомиться съ памятниками, которые предстояло имъ видѣть, не по краткимъ свѣдѣніямъ гидовъ, а по подробнымъ описаніямъ, составленнымъ самими изслѣдователями или даже находчиками этихъ памят-

¹⁷⁾ См. о немъ статью Булича и Hauser'a въ *Mittheilungen d. k. Central—Commission*, VIII, 1882 года, стр. 59—81. Отдѣльное итальянское изданіе 1884 года.

¹⁸⁾ См. о церкви этой *Mittheil. Central—Commisson* 1883, т. CLXI, 1884 года. ХСVII—VIII, планъ на стр. ХСVIII. Но и тутъ о Чагинѣ — ни слова.

никовъ. Если послѣдній сборникъ и не поспѣлъ къ сроку, то вина въ томъ падаетъ не на предварительный комитетъ, а на мѣстныя условія: сплѣтскія типографіи таковы, что всѣ изданія пришлось печатать въ Задрѣ, но и тамъ не умѣли приправить, какъ слѣдуетъ, цинкографическихъ клише, почему многіе изъ рисунковъ, исполненныхъ этимъ способомъ, представляютъ совершенно неразборчивыя черныя пятна, хотя эти самыя клише въ иныхъ рукахъ дали бы значительно лучшіе оттиски.

И такъ, предварительный комитетъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и даже значительно болѣе, чѣмъ было необходимо, для пріѣзжихъ археологовъ. Но эти археологи отнеслись, какъ намъ кажется, не съ должнымъ вниманіемъ къ трудамъ и хлопотамъ, потраченнымъ на устройство I-го международного съѣзда христіанскихъ археологовъ мѣстными и вѣнскими учеными. Это сказалось прежде всего самымъ числомъ пріѣхавшихъ иностранцевъ: ихъ явилось на съѣздѣ не болѣе двадцати. При этомъ бросалось въ глаза совершенное отсутствіе французовъ и англичанъ. Удивляло отсутствіе представителей русскихъ ученыхъ учреждений, которымъ разосланы были приглашенія, и которыя знали о съѣздѣ изъ объявленій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Особенно сожалѣть приходилось объ отсутствіи представителей нашихъ духовныхъ академій, гдѣ давно существуютъ уже спеціальныя кафедры церковной археологіи, о необходимости учрежденія которыхъ говорилось на съѣздѣ. Присутствіе ихъ показало бы, что наши духовныя академіи давно уже имѣютъ то, о чемъ мечтаютъ только археологи католическіе. Непріятно поражало также совершенное отсутствіе мѣстнаго православнаго (т. п. „Сербскаго“) духовенства, какъ будто оно не интересуется древне-христіанскою археологіей.

Въ воскресенье 7 (19) августа вечеромъ состоялось засѣданіе въ помѣщеніи гимназіи. Почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ сплѣтскій епископъ Накичъ, предсѣдателями—Monsignor A. de Waal, издатель журнала *Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde*, Monsignor Франьо Буличъ, извѣстный сплѣтскій археологъ, и профессоръ церковной исторіи и древностей Берлинскаго университета Nicolaus Müller, а секретарями вѣнскій профессоръ Wilhelm Nenmann, римскій профессоръ Orazio Marucchi и профессоръ Лука Еличъ изъ Задра; тутъ же выбрали и предсѣдателей пяти отдѣленій, на которыя разбитъ былъ съѣздъ.

Раннимъ утромъ 8 (20) августа со спеціальнымъ поѣздомъ отправился съѣздъ на развалины Салоны; тутъ при торжественной обстановкѣ и стеченіи народа изъ Сплѣта и окрестныхъ деревень отслужена была еп. Накичемъ месса въ олтарѣ, временно устроенномъ въ абсидѣ большой базилики Манастирине, надъ самыми гробами салонскихъ мучениковъ. Затѣмъ у триумфальной арки, устроенной при входѣ къ базиликѣ и украшенной изображеніями салонскихъ мучениковъ, скопированными съ мозаикъ св. Венанція, съѣздъ открытъ былъ длинною латинскою рѣчью епископа, на которую от-

вѣтилъ по-латыни же Буличъ. По дорогѣ къ развалинамъ базилики и обратно къ вокзалу осмотрѣны были, насколько позволяла праздничная обстановка и народное множество, открытыя развалины Салоны.

По возвращеніи въ городъ въ 11½ часовъ состоялось I-е общее собраніе, занятое поздравительными рѣчами, чтеніемъ полученныхъ и отпавляемыхъ телеграммъ и т. п. Рѣчи говорились преимущественно по-латыни, но нѣкоторые представители администрацій и различныхъ учреждений и по-нѣмецки и по-хорватски.

Въ 5 ч. открылось засѣданіе II-го отдѣла—*De doctrina archeologiae*. А въ 6 часовъ второе общее собраніе, начавшееся опять рѣчами и телеграммами, послѣ которыхъ проф. *Еличъ* (по-итальянски) прочелъ интересный рефератъ „О состояніи христіанской археологіи въ Далмаціи“, понимая послѣднюю въ римскомъ смыслѣ. Онъ сдѣлалъ краткій очеркъ изслѣдованій Салоны, при чемъ демонстрировалъ интересный рисунокъ начала этого вѣка, изображающій фигуру оранты, написанную красками на стѣнѣ гробницы, открытой близъ Салоны. Еще интереснѣе были свѣдѣнія, сообщенныя о базиликѣ V-го вѣка, недавно разрытой оксфордскимъ профессоромъ *Anderson'омъ* въ Черногоріи въ Діоклеѣ, близъ Подгорицы, со знаменитой въ христіанской археологіи стеклянной патерой, перешедшей съ собраніемъ Базилевскаго въ Императорскій Эрмитажъ ¹⁹⁾. Раскопки Дукли начаты были русскимъ изслѣдователемъ Черногоріи Павломъ Ровинскимъ ²⁰⁾, но ему удалось открыть лишь развалины римскихъ временъ; англичане же разрыли древне-христіанскую базилику, которую референтъ видѣлъ и изслѣдовалъ лично во время экскурсіи своей въ Черногоріи, гдѣ онъ собралъ много матеріала для особаго подготовляемаго имъ изданія. Были показаны и чертежи и фотографіи этой базилики. Римскій археологъ prof. *Orazio Marucchi* прочелъ рефератъ о новѣйшихъ открытіяхъ въ римскихъ катакомбахъ, при чемъ и въ этомъ сообщеніи его, и въ другихъ рѣчахъ римскихъ археологовъ сквозило недовольство тѣмъ, что итальянское королевское правительство плохо содержитъ катакомбы и мало способствуетъ „научному“ ихъ изслѣдованію членами папской археологической академіи и особой коллегіи „*Cultorum martirum*“.

Затѣмъ было прочтено письмо фрейбургскаго профессора *Kirsch'a* (по французски) „О наукѣ древне-христіанской археологіи въ Швейцаріи“; назначенный же по программѣ рефератъ проф. *W. Neumann'a* объ изслѣдованіяхъ христіанскихъ памятниковъ Палестины по недостатку времени такъ и остался не прочтеннымъ. Отъ 8 до 9 ч. вечера засѣдали отдѣленія I-е—*de inscriptionibus et monumentis*—и V-е подъ именемъ, *de rebus historicis Dalmatiae in de a saeculo VII*, но въ сущности занимавшееся памятниками славянскими.

Утромъ слѣдующаго дня были засѣданія отъ 8 до 9 ч. III-го отдѣла—*de Musaeis*.

¹⁹⁾ Референту, совершившему длинную археологич. повѣзку по Албаніи, удалось найти гробницу, гдѣ найдена была эта патера.

²⁰⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1890 г. № 6 (клас. отд.).

Отъ 9 до 10—IV-й отдѣлъ: de patrologia in seminariis catholicis tractanda et ad archaeologiam applicanda.

Отъ 10—12—III-е общее собраніе, начавшееся опять рѣчами и телеграммами. Буличъ сдѣлалъ по-латыни сообщеніе „О древне-христіанскихъ древностяхъ Салоны“, главнымъ образомъ, разумѣется, о некрополѣ Manastirine, планы котораго были выставлены.

Представитель „босанской влады“ (австрійскаго правительства Босніи и Герцоговины), баронъ *Молинари* по-сербски сдѣлалъ сообщеніе о древне-христіанскихъ памятникахъ Босніи и Герцоговины, иллюстрированное рядомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ. Сообщеніе это было особенно интересно описаніемъ двухъ базиликъ, выкопанныхъ въ Дабравинѣ (округъ Високо) въ 1891 г. и въ Зеницѣ (древн. Bistua)²¹⁾ въ 1892 г., въ которыхъ найдены были многочисленныя фрагменты алтарныхъ преградъ въ особомъ оригинальномъ стилѣ, явно подражающемъ рѣзбѣ изъ дерева и представляющемъ нѣкоторыя черты зависимости и отъ т. н. древне-христіанскаго искусства и отъ византійскаго²²⁾.

Развалины близъ Зеницы интересны и самымъ планомъ двухъ смежныхъ, лежащихъ на разныхъ уровняхъ базиликъ съ особымъ помѣщеніемъ въ видѣ третьей абсиды, пристроеннымъ между двумя абсидами ихъ (см. планъ въ Mittheilungen, I, стр. 274). Проф. *Марукки* сказалъ пространную рѣчь въ защиту известной надписи Геранольскаго епископа Аверкія²³⁾ противъ парадоксальной статьи dr. Ficker'a, напечатанной въ Трудахъ Берлинской Академіи Наукъ²⁴⁾, гдѣ доказывается, что Аверкій былъ не христіанскій епископъ, а жрецъ Кибелы.

Послѣ засѣданія dr. *Bosse* изъ Кіля демонстрировалъ устроенную въ особой комнатѣ выставку фотографическихъ снимковъ прусскаго „Institut für Mess-Lichtbilder“, исполненныхъ при помощи особыхъ объективовъ, изобрѣтенныхъ Meidenbaum'омъ въ Берлинѣ. Особенность объективовъ этихъ та, что они не только не искажаютъ перспективы, но даютъ возможность получать изображенія даже верхнихъ частей зданій, напр., шпиля колокольни, снятаго снизу, въ вертикальной проэкціи, какъ чертятся фасады архитекторами. Выставленныя прекрасныя увеличенія снимковъ, исполненныхъ этими объективами, подали поводъ къ выраженію желаній имѣть для преподаванія таблицы важнѣйшихъ памятниковъ, изданныя этимъ способомъ.

21) Ея епископъ присутствовалъ въ 582 г. на салонскомъ соборѣ.

22) Фрагменты изъ Дабравины хранятся въ Сараевѣ въ „Regierungsgebäude“ и изданы въ Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina. Томъ II, стр. 72—86, а фрагм. изъ Зеницы выставлены въ Земальскомъ музеѣ въ Сараевѣ и должны быть изданы консерваторомъ его Трухелькой въ «Гласникѣ» музея въ нынѣшнемъ году. Въ Сплѣтскомъ (II-мъ) музеѣ имѣется одна колонна въ такомъ же стилѣ (№ 45, Д.), но къ сожалѣнію намъ не удалось доискаться ея происхожденія.

23) См. о ней Арх. Изв. и Замѣт. 1894 г., стр. 79.

24) Именно: въ Sitzungsberichte Berliner Akademie 1894 г. подъ заглавіемъ: Der heidnische Charakter der christlichen Inschriften.

Послѣ этихъ засѣданій неутомимый Буличъ давалъ объясненія нѣкоторыхъ древностей музея.

Послѣ обѣда, отъ 3 до 4 ч. засѣдало отдѣленіе I-ое, отъ 5 до 6 II-ое, а въ 6½ началось IV общее собраніе: *Msgr. de Waal* прочелъ по-итальянски „О христіанскихъ древностяхъ Далмаціи и Иллиріи въ Римѣ“: Референтъ началъ со св. Кая, папы 283—296 г., далматинца родомъ и родственника Діоклетіана; его гробница должна быть въ катакомбахъ Каллиста, т. к. тамъ находятся гробницы съ надписями, показывающими, что погребенные лежатъ ad *dominum Caicum*; онъ указалъ на одну бронзовую пластинку IV в. съ посвященіемъ надписью какого-то *Mandrupus* изъ Срѣма (Мандроній былъ посланъ общиной Карнунта), говорилъ о Петрѣ Иллирійцѣ, построившемъ въ V в. (430) въ Римѣ церковь, посвященную нынѣ св. Сабинѣ; о мраморщикахъ, пострадавшихъ въ Срѣмѣ же при Галеріи за отказъ изваять капители для храма Асклепія, тѣла которыхъ перенесены были въ Римъ и положены ad *duos lauros*; о папѣ Іоаннѣ IV, долматинцѣ родомъ, строителѣ капеллы св. Венанція, и наконецъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Особенно подробно говорилъ референтъ о св. Квирина, епископѣ иллирійскаго (?) города *Siscia*, погребенномъ въ катакомбахъ на Аппіевой дорогѣ св. Севастіана, гдѣ во время производившихся тамъ недавно изслѣдованій въ т. н. *Platonis*, найдено была на стѣнѣ изображеніе святыхъ Квирина, Севастіана и Поликама, а въ возвышеніи въ видѣ жертвенника найдены были гробы, при чемъ, т. к. надпись на стѣнѣ гласитъ, что выстроена для одного лишь Квирина, референтъ склонялся видѣть въ найденныхъ костяхъ останки св. Квирина.²⁵⁾

Раскопки, произведенныя по просьбѣ славянскихъ епископовъ Австріи на мѣстѣ погребенія Кирилла (въ ц. св. Климента въ Римѣ), открыли фреску, изображающую Христа и двѣ фигуры „подающія ему“, по мнѣнію референта (конечно, принимающіе отъ него) чашу и книгу, въ которыхъ *Mons. de Waal* видѣлъ славянскихъ первоучителей. (Фреска эта издана въ вышеуказанной статьѣ). Референтъ допускалъ даже возможность, что найденныя фрески могутъ быть работой самаго Меѳодія.

Monsignor Wilpert по-нѣмецки сообщилъ о новооткрытыхъ имъ подъ слоемъ сталактитообразнаго известковаго налета фрескахъ въ „*Capella graeca*“ въ катакомбахъ св. Присциллы, при чемъ показаны были прекрасныя фототипическія таблицы, приготовленныя къ изданію по фотографіямъ, которыя изслѣдователь снялъ при *дневномъ свѣтѣ*, проведенномъ въ глубь катакомбъ при помощи цѣлой системы зеркалъ. Найдены слѣдующія изображенія, относимыя референтомъ къ первой половинѣ II-го вѣка: 1) Данииль между львами, но не „во рву“, а передъ роскошными зданіями (дворцемъ?), между коими видны ротонда и базилика, 2) Приношеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, 3) Воскре-

²⁵⁾ См. *Römische Quartalschrift*, III Supplementheft. 1894. *de Waal*, Die Apostelgruft ad catacumbas an der via Appia. У одного паломника VII в. говорится, что въ церкви, гдѣ лежали ап. Петръ и Павелъ, въ западной части ея спускаются къ могилѣ св. Квирина «папы и мученика». Названіе Квирина папой референтъ объяснялъ ошибкой.

шеніе Лазаря и 4) Лазарь уже воскресшій и, наконецъ, 5) евхаристія, гдѣ на столѣ предъ бороатымъ сидящимъ челоуѣкомъ стоить кубокъ съ двумя ручками и двѣ тарелки съ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Послѣднее изображеніе референтъ приводитъ въ связь съ мраморнымъ саркофагомъ, стоявшимъ въ абсидѣ и служившимъ престоломъ ²⁶⁾.

Рефератъ на латинскомъ языкѣ маститаго хорватскаго поэта, *Окруича*, изъ Митровицы, *De basilica syrgmiensi S. Demetrii*, изложилъ сперва историческіе судьбы Срѣма и его святыхъ, а затѣмъ, упомянувъ о различныхъ находкахъ на мѣстѣ древняго Срѣма, напр., о мозаичномъ полѣ, найденномъ въ 40-хъ годахъ, референтъ просилъ послать въ Срѣмъ двухъ, трехъ „ученыхъ мужей“, чтобы они указали мѣсто, гдѣ надо искать базилику св. Димитрія.

Dr. *Szobor* отъ имени устроительнаго Комитета Millenium-Ausstelle въ Будапестѣ въ 1896 году, въ тысячелѣтній юбилей прихода Венгровъ въ Венгрію, пригласилъ членовъ на проектируемый тамъ археологическій съѣздъ.

Наконецъ Hof-kapellan dr. *Swoboda* изъ Вѣны демонстрировалъ египетскую ткань извѣстнаго Вѣнскаго собранія Graf'a, найденную какъ саванъ, но которая оказалось дверною завѣсою, по мнѣнію референта, церковной, бывшей ранѣе въ употребленіи ²⁷⁾.

Отъ 8 до 9 вечера одновременно засѣдали отдѣлы III и V-ый. Послѣдній день съѣзда 10—22 Августа начался и кончился прогулками по морю. Утромъ въ 6 часовъ отправились члены съѣзда съ окружнымъ начальникомъ („поглаваръ“) Тоничемъ въ городъ Трогиръ. Пароходъ шелъ не прямымъ путемъ, а вдоль берега Каштелянскаго залива мимо семи бывшихъ „каштелей“, а нынѣ деревень, лежащихъ на краю равнины подъ высокимъ хребтомъ горы „Козякъ“.

Въ Трогирѣ, прекрасномъ древнемъ городкѣ на островкѣ, замыкающемъ проливъ между материкомъ и островомъ *Čiovo (Віо)*, послѣ торжественной встрѣчи городскимъ головою, горожанами съ музыкой конгрессисты отправились осматривать замѣчательный соборъ, построенный въ VIII вѣкѣ въ романскомъ стилѣ, и его богатую ризницу.

По возвращеніи въ Сплѣтъ засѣдали отдѣлы I-й и IV-й. А затѣмъ во время перерыва, пока председатели составляли текстъ рѣшеній съѣзда, нѣкоторые изъ членовъ обозрѣвали музеи и древности Сплѣта, причемъ рельефы купели баптистерія возбудили разнорѣчивыя мнѣнія.

Отъ 3½ до 5 засѣдалъ V-й отдѣлъ, а вслѣдъ за нимъ отъ 5 до 6½ состоялось пятое и послѣднее общее собраніе. Послѣ чтенія полученныхъ и отправленныхъ телеграммъ, *A. de Waal* говорилъ (по-итальянски) о поддѣлкахъ древне-христіанскихъ памятниковъ въ Римѣ, жертвою коихъ ему

²⁶⁾ См. статью Вильперта въ *Römische Quartalschrift* 1894. Heft I—II. Ср. Арх. Изв. и Зам., 1894. стр. 288.

²⁷⁾ См. рис. ея и статью Свободы въ *Archaeologische Ehrengabe zu siebzigsten Geburtstag de Rossi's*, herausgegeben von A. de Waal., стр. 95—113; рис. ткани табл. VI—VII; реставрація на стр. 105.

пришлось быть и самому, при покупкѣ древностей въ музей нѣмецкаго Савро Santo въ Римѣ, и вспомнулъ о своей статьѣ въ *Römische Quartalschrift* (I, 272 sq. IV, 148 sq. *Langobardische Gold-und Silber Arbeiten*) по поводу появившихся въ Римѣ издѣлій, происходящихъ якобы изъ одной находки. Эта коллекція издана была ея владѣльцамъ и относилась къ первымъ вѣкамъ христіанства²⁸⁾. Теперь же de Waal присоединился къ мнѣнію тѣхъ, которые считали всѣ эти вещи поддѣльными. А вслѣдъ за рефератомъ de Waal'я *Franghi de Cavalieri*, папскій „*Cameriere segreto di Spada e Capra*“, прочиталъ письмо Иннсбрукскаго профессора *Grisar'a*, который путемъ критики разсказовъ объ этой находкѣ и особенно орнаментовъ и исполненія самихъ предметовъ неопровержимо доказалъ поддѣльность всей этой коллекціи.

Послѣ этихъ рефератовъ о поддѣлкахъ секретарь сѣзда, проф. Neumann прочелъ изложенныя по-латыни постановленія всѣхъ пяти отдѣловъ. Послѣ единогласнаго принятія ихъ, предсѣдатель de Waal предложилъ еще выразить благодарность правительству за содѣйствіе и вниманіе къ сѣзду и особенно къ иностраннымъ членамъ его, а также просить министерство (*Kultus und Unterrichts Ministerium*) о покупкѣ и возстановленіи базилики св. Варвары въ Трогирѣ, относимой къ VIII-му вѣку и осмотрѣнной утромъ сѣздомъ. А затѣмъ онъ же произнесъ заключительную латинскую рѣчь, въ которой, указавъ на результаты, достигнутые сѣздомъ, на знакомство между его членами, воздалъ должную благодарность императорскому правительству, мѣстнымъ властямъ и гражданамъ и особенно усерднымъ трудамъ предварительнаго комитета, закончилъ ее пожеланіемъ, чтобы за постановленіями сѣзда послѣдовало и исполненіе ихъ (*facta sequantur consilia*.)

Второй сѣздъ предложено было собрать черезъ три года (1897) въ Равеннѣ. Наконецъ почетный предсѣдатель сѣзда, епископъ Накичъ, отъ имени Сплѣчанъ, выразилъ удовольствіе успѣхамъ сѣзда, трудившагося *invicto labore, mirabili doctrina*, пожелалъ членамъ его благополучнаго возвращенія домой и, взоидя на кафедру, закрылъ сѣздъ „папскимъ благословеніемъ“.

Въ 7 часовъ вечера члены сѣзда садились снова на пароходъ „*Рагузу*“, чтобы ѣхать на вечерній праздникъ, устроенный для нихъ мѣстнымъ начальникомъ Тончичемъ, въ одномъ изъ „каштелей“ Люкшичъ (*Ljukšić-Castel Vitturi*)²⁹⁾.

Этимъ вечеромъ кончился оффиціально сѣздъ. Но еще на другой день 11/23 утромъ снова поѣхали нѣкоторые члены сѣзда подъ руководствомъ Булича на развалины Салоны, дабы осмотрѣть ихъ болѣе тщательно, нежели то оказалось возможнымъ при торжествѣ открытія сѣзда.

По возвращеніи оттуда осматривали музеи, гдѣ Буличъ давалъ объ-

²⁸⁾ Giancarlo Rossi. «Commento sopra suppellettili sacre di argento ed oro appartenute ai primissimi tempi della chiesa» in 4° u «Tavole XXV riproducenti il sacro tesoro G. Rossi» in 1° Roma 1890; одинъ экземпляръ сочиненія этого поднесенъ былъ издателями сѣзду.

²⁹⁾ Поэтъ Илья Округличъ написалъ по этому поводу торжественное стихотвореніе, напеч. въ *Katolička Dalmacija* (№ 77).

ясненія о памятникахъ христіанскихъ, а Вѣнскій профессоръ О. Benndorf о памятникахъ языческихъ. Послѣ этого осмотрѣны были соборъ и реставрируемая колокольня его, а также древне-христіанскій саркофагъ (переходъ черезъ Чермное море и оранты) въ монастырѣ Францисканцевъ.

На слѣдующее утро 12/24 девять членовъ съѣзда отплыли на пароходѣ по приглашенію „Босанской влады“ въ Боснію: эта экскурсія продолжалась цѣлую недѣлю, при чемъ сопровождавшія археологовъ лица (бар. Молилари и консерваторъ „Земальског Музеја“ въ Сараевѣ dr. Truhelka) показывали имъ въ Сараевѣ, Илидже, Травнинѣ, Яйцѣ и Зеницѣ не однѣ только древности, но различныя культурныя нововведенія „Босанской влады“ отъ іезуитской гимназіи въ Травнинѣ до образцовой тюрьмы въ Зеницѣ включительно.

Ранѣе боснійское правительство выразило свое вниманіе къ иностраннымъ членамъ съѣзда раздачею нѣсколькихъ экземпляровъ на его счетъ изданнымъ научныхъ трудовъ: великолѣпнаго факсимиле глаголической рукописи съ богатыми заставками, изданнаго подъ ред. акад. Ягича „Missale glagoliticum Hervoiae ducis“ (Vindobonae MDCCCXCI), перваго выпуска труда Ph. Baliff'a, Römische Strassen in Bosnien und Herzegowina, herausgegeben vom bosnisch-herzegowinischen Landes-Museum, съ 24 гелиографюрами на 12 таблицахъ. NN „Гласника Земальског музеја у Босни и Херцеговини“ и 2-хъ томовъ нѣмецкаго перевода статей, помѣщенныхъ въ Гласникѣ со времени его основанія (1884) до 1892 года: Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina herausgegeben vom B. H. Landesmuseum in Sarajevo, redigirt von Dr. Moriz Holtnes. 1894.

Другая компанія изъ двадцати членовъ съѣзда, преимущественно далматинцы и пріѣзжіе изъ другихъ славянскихъ земель, 25 августа совершили изъ Сплѣта экскурсію въ древлепрестольный городъ Книнѣ, гдѣ, подъ руководствомъ неутомимаго Булича, осматривали древности VIII—X вѣка въ небольшомъ музеѣ при Францисканскомъ монастырѣ и мѣсто находки этихъ древностей³⁰⁾.

Такова внѣшняя исторія съѣзда, оставившаго въ памяти его участниковъ самыя пріятныя воспоминанія, какъ о красотахъ самой страны и ея художественныхъ и археологическихъ памятникахъ, такъ особенно о томъ радушіи и гостепрѣимствѣ, которое наперерывъ оказывали пріѣзжимъ и власти, и устроители съѣзда, и общество. Но если не забудется съѣздъ этотъ съ этой чисто субъективной точки зрѣнія, то, надѣмся, и для общей пользы науки христіанской археологіи онъ не прошелъ безплодно, и плодами его будутъ пользоваться и тѣ, которые не могли или по чему либо не хотѣли лично принять въ немъ участіе³¹⁾.

³⁰⁾ См о нихъ. Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga VIII (1889): Fran. Bulić. Hrvatski Spomenici u Kninskoj okolici. Svezak I. in 4° стр 46 табл. I—XVIII (таблицы переизданы въ Ephemeris Bihacensis; см. выше).

³¹⁾ Отчеты о дѣятельности съѣзда все время печатались въ мѣстномъ журналѣ Kатоличка Далмација; см. № 69—83.

Любезность одного из дѣятельнѣйшихъ тружениковъ по устройству съѣзда, перваго секретаря съѣзда проф. Неймана даетъ возможность сообщить здѣсь болѣе детальный обзоръ засѣданій секцій и ихъ постановленія.

Первый отдѣлъ: De inscriptionibus et monumentis (Предсѣдатель проф. N. Müller, референты dr. Szobor, prof. Marucchi), обсуждалъ преимущественно два вопроса: объ изданіи сборника христіанскихъ надписей и сборника древнехристіанскихъ памятниковъ. По первому вопросу высказываемы были мнѣнія, что теперь, когда въ собранія, издаваемые Берлинской Академіей Наукъ: Corpus Inscriptionum Graecarum и Corpus Inscr. Latinarum, входятъ отчасти и христіанскія надписи, а христіанскимъ надписямъ Рима посвященъ даже особый томъ, предпринимать особый обширный сборникъ древнехристіанскихъ надписей не представляется удобнымъ; поэтому разсужденія ограничились частнымъ вопросомъ объ изданіи древнехристіанскихъ надписей Далмаціи и Иллиріи, къ коимъ сочли возможнымъ присоединить, въ виду ихъ малочисленности, и древнехристіанскія надписи изъ прочихъ областей Австро-Венгрии. Не имѣя опредѣленнаго издателя и надѣясь лишь на Вѣнскую Академію Наукъ, говорили лишь объ общихъ основаніяхъ изданія, при чемъ настаивали на необходимости изданія всѣхъ важнѣйшихъ или сопровождаемыхъ рисунками надписей факсимиле, какъ Вильпертъ издалъ надписи Аквилеи, хотя такое воспроизведеніе требующее значительныхъ издержекъ, едва ли ускоритъ изданіе предположеннаго сборника; главнѣйшіе труды при составленіи котораго падутъ на долю мѣстныхъ ученыхъ Булича и Елича. Еще большія практическія затрудненія представитъ осуществленіе другаго предпріятія: изданія всѣхъ древнехристіанскихъ памятниковъ, въ необходимости каковаго всѣ были согласны.—Сужденія по этому вопросу были гораздо оживленнѣе, здѣсь ничего параллельнаго, подобнаго берлинскимъ сборникамъ не имѣется: всѣмъ извѣстна неудовлетворительность сборника Гаруччи Storia dell arte cristiana, какъ относительно точности рисунковъ, такъ и полноты. Довольно долго велись пренія, съ чего начинать; одни стояли за катакомбы и ихъ живопись, другіе за скульптуру, указывая на большую извѣстность этого рода памятниковъ и большую легкость поэтому привести ихъ въ извѣстность; мелкія произведенія художественной промышленности, какъ наиболѣе многочисленныя и разбросанныя, предполагается издать въ послѣднемъ томѣ. О мозаикахъ рѣчи почти не было вовсе, очевидно, въ виду изданія мозаикъ Рима Росси, о мозаикахъ Востока никто и не вспомнилъ: правда, онѣ могутъ войти въ сборникъ лишь тогда, если хронологическія границы его расширятся; но этотъ существеннѣйшій вопросъ остался окончательно не рѣшеннымъ; повидимому, границею намѣревались поставить VIII-ой вѣкъ.

За то весьма тщательно обсуждался вопросъ о способахъ изданія памятниковъ: иные стояли за большой форматъ и наилучшіе автотипическіе способы: гелиографюру и фототипію, но другіе указывали на непомерную дороговизну такихъ способовъ, изъ коихъ второй къ тому же и весьма не со-

вершененъ. Проф. Бенндорфъ предлагалъ избрать цинкографію, которая при относительной дешевизнѣ позволяетъ долгое время пользоваться клише и позволяетъ поэтому перепечатку любого рисунка сборника, если кому это понадобится, безъ новыхъ расходовъ, а также позволяетъ на ряду или уже послѣ изданія сборника, издавать или атласы важнѣйшихъ древностей для учебныхъ цѣлей, или какіе иные сборники, гдѣ тѣ же древности должны будутъ быть скомбинированы въ иной системѣ. Вопросъ о средствахъ изданія остался, конечно, открытымъ; возможность же осуществленія видѣли въ привлеченіи къ изданію этому различныхъ ученыхъ и религіозныхъ обществъ и учреждений. Судя по общему сочувствію этому предложенію, дѣло, повидимому, не загложнетъ; для разработки плана изданія, привлеченія сотрудниковъ, составленія примѣрныхъ смѣтъ и изысканія средствъ избрана была особая коммиссія изъ де-Валя, Марукки и Вильперта, которая должна будетъ представить слѣдующему конгрессу отчетъ о своей дѣятельности.

Рѣшенія I-го отдѣленія формулированы такъ: *Primus Congressus archaeologorum christianorum Spalati Salonis congregatus vota sua enunciat, 1) ut antiquae christianae inscriptiones Austriae, Hungariae, Illyrici ante reliquas in corpus redigantur et publicentur cum ectypis optima methodo expressis; 2) ut Corpus Monumentorum Christianorum, praecipue aetatis primaevae — videlicet picturarum coemeterialium et operum artis sculptoriae—ex omnibus regionibus collectorum et saltem solis ope depictorum cum accuratissima descriptione publicetur* ³¹⁾.

Второй отдѣлъ — de doctrina archaeologiae (предсѣдатель проф. W. Neumann, референты dr. Swoboda и dr. Szentgyorgy) разсуждалъ о преподаваніи христіанской археологіи въ спеціальныхъ богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ: гдѣ нѣтъ особой каѳедры христіанской археологіи, которая издавна существуетъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, при чемъ у насъ съ археологіей соединена и литургика, тѣсно съ ней связанная. На Западѣ профессоръ исторіи церкви долженъ читать и христіанскую археологію, что при широкихъ областяхъ обѣихъ наукъ представляетъ, конечно, значительныя затрудненія. Поэтому-то съѣздъ, въ которомъ участвовало нѣсколько такихъ профессоровъ обѣихъ наукъ, и призналъ необходимымъ учрежденіе спеціальной каѳедры христіанской археологіи.

Говорили также и о томъ, чтобы и въ низшихъ, и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при преподаваніи Закона Божія и церковной исторіи учителя обращали большее по возможности вниманіе на памятники христіанской древности, для большей успѣшности чего признано полезнымъ издать атласы или

³¹⁾ Первый съѣздъ христіанскихъ археологовъ, собранный въ Сплѣтъ, возвѣщаетъ свои желанія: 1) чтобы древнія христіанскія надписи Австріи, Венгріи и Иллиріи раньше остальныхъ были собраны въ одинъ сводъ и изданы со снимками, воспроизведенными наилучшимъ способомъ; 2) чтобы было издано съ тщательнымъ описаніемъ „Собраніе памятниковъ христіанскихъ“ — преимущественно первыхъ вѣковъ — надгробныхъ живописныхъ изображеній и скульптуры, собранныхъ отовсюду и воспроизведенныхъ съ помощію фотографіи.

стѣнные таблицы важнѣйшихъ памятниковъ. Мало того, проф. W. Neumann говорилъ о томъ, сколь полезно въ дѣлѣ стилистической оцѣнки памятниковъ умѣніе самого изслѣдователя рисовать или, по крайней мѣрѣ, умѣніе смотрѣть столь внимательно, какъ научаетъ только рисованіе, а потому онъ высказалъ даже желаніе, чтобы неумѣющіе хоть какъ-либо рисовать не брались и не допускались до преподаванія археологій, а чтобы дать этотъ особенный взглядъ учащимся, предложилъ возбудить ходатайство объ обязательности рисованія и усиленіи преподаванія его въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ результатѣ отдѣлъ постановилъ... *agnoscens maxima emolumenta scientiis theologicis ex archaeologia christiana obtingere:*

1) *Ut alumni ss. Theologiae in omnibus universitatibus et seminariis theologicis hanc disciplinam a professoribus ad id munus speciali modo electis doceantur. Rogat ergo Congressus et ecclesiasticas et civiles potestates, ut cathedras speciales ordinarias in omnibus institutis theologicis condant atque musaeis aliisque collectionibus ad institutionem necessariis instruant.*

2) *Congressus... enuntiat, ut alumni Gymnasiorum vel Lycaeorum artem delineatoriam doceantur; non ad artificum perfectionem attingendam, sed ad cultum animi formalem assequendum, quo autopsiae sollertiam et certitudinem acquirant.*

3) *In omnes scholas subsidia pictarum tabularum inducenda atque imprimis pro institutione religionis adhibenda esse, congressus censet* ³²⁾.

Третій отдѣлъ—de musacis, (предсѣдатель dr. Szobor, референтъ prof. Schultze изъ Greifswald'a, также разсуждалъ главнымъ образомъ о музеяхъ какъ пособіи для преподаванія и изученія христіанской археологій. Будапештскій археологъ dr. Szobor сдѣлалъ по-латыни краткое сообщеніе о древне-христіанскихъ памятникахъ въ Венгріи, референтъ prof. Schultze раздѣлялъ музеи на двѣ группы: „хранилища“ (Conservatorien) въ большихъ городахъ, гдѣ положено уже начало таковымъ, и на самыхъ мѣстахъ находокъ, гдѣ собранныя древности въ мѣстной обстановкѣ всегда понятнѣе для изучающаго и возбуждаютъ въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ продолженію изслѣдованій и сохраненію древностей, и „учебныя собранія“ (Lehrmittelsammlungen), гдѣ древности являются, конечно, по большей части въ копи-

³²⁾ Признавая величайшую пользу христіанской археологій для наукъ богословскихъ, съѣздъ желаетъ: 1) чтобы воспитанники богословскаго факультета всѣхъ университетовъ и духовныхъ семинарій изучали эту науку подъ руководствомъ преподавателей, спеціально избранныхъ для этого. Поэтому съѣздъ обращается съ просьбой какъ къ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ властямъ устраивать спеціальныя постоянныя кафедры при духовныхъ учрежденіяхъ, а также снабжать ихъ музеями и другими собраніями для преподаванія необходимыми. 2) Съѣздъ выражаетъ желаніе, чтобы воспитанники гимназій и лицеевъ учились рисованію, не для того, чтобы достигъ художественнаго совершенства, но для развитія формальныхъ способностей при быстротѣ и точности при наблюденіяхъ. 3) Съѣздъ признаетъ нужнымъ ввести во всѣхъ школахъ въ качествѣ пособія рисунки и прежде всего необходимы при религіозномъ образованіи.

яхъ съ наиболѣе важныхъ изъ нихъ, и гдѣ систематическій подборъ ихъ служить незамѣнимымъ никакими фотографіями и рисунками пособіемъ при преподаваніи и изученіи христіанскихъ древностей. Профессоръ N. Müller сообщилъ, демонстрируя при этомъ планъ, о кабинетѣ христіанскихъ древностей, устроенномъ еще проф. Пиперомъ при Берлинскомъ университетѣ³³⁾ и значительно расширенномъ настойчивыми трудами сообщавшаго: кабинетъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, наполненныхъ, кромѣ спеціальной бібліотеки, собраніями эстампажей и слѣпковъ съ надписей, слѣпковъ съ важнѣйшихъ саркофаговъ и статуй и рѣзныхъ изъ кости рельефовъ, рисунками и фотографіями фресокъ, мозаикъ и памятниковъ архитектурныхъ и т. д., при чемъ въ составъ музея входятъ и памятники средневѣковые и даже современные церковные вещи—православныя, русскія и греческія. Кабинетъ этотъ является пока единственнымъ. Отсутствие же представителей нашихъ духовныхъ академій оставило членовъ съѣзда въ невѣдѣніи объ устройствѣ, а м. б., и существованіи такихъ музеевъ при нашихъ академіяхъ, изъ которыхъ музеи въ Петербургской и Кіевской академіяхъ пользуются заслуженной извѣстностью. Некому было рассказать и объ особомъ музее христіанскихъ древностей академіи художествъ, и о „хранилищахъ“ при нѣкоторыхъ духовныхъ семинаріяхъ. Говорили, конечно, и о желательности лучшаго и болѣе внимательнаго сохраненія тѣхъ древностей, иногда весьма важныхъ, которыя находятся во владѣніи церквей и монастырей³⁴⁾.

Увидавъ воочию археологическія богатства Салоны, гдѣ открывается еще столь широкое поле будущимъ изслѣдованіямъ, и испытавъ неудобства для занятій отъ размѣщенія древностей этихъ въ трехъ помѣщеніяхъ, вовсе тому не соответствующихъ, члены съѣзда въ засѣданіяхъ этого отдѣла рѣшили ходатайствовать о постройкѣ въ Сплѣтѣ особаго для музея зданія и объ увеличеніи скуднаго содержанія, отпускаемаго правительствомъ на содержанія музеевъ Сплѣта и Задра. Наконецъ, римскій археологъ, архитекторъ баронъ Kanzler, предлагалъ составить общими силами краткій катехизисъ христіанскихъ древностей.

Желанія отдѣленія выражены были такъ: *primus congressus etc... vota sua enuntiat:*

1) *ut musaea christiana antiquis monumentis vel eorum ectypis colligendis et conservandis erigantur non tantum in civitatibus historia christiana antiqua*

³³⁾ О немъ писалъ нѣкогда Ѳ. И. Буслаевъ, см. «Мои досуги» I, 38—54.

³⁴⁾ Съѣздъ «христіанскихъ археологовъ», духовныхъ по большей части особъ, не поднималъ, конечно, вопроса о неизбѣжности храненія древностей въ ризницахъ и о ненадежности такого способа храненія, какъ тому учать многіе примѣры, у насъ особенно судьба нѣкоторыхъ древнихъ украшенныхъ эмалями образовъ закавказскихъ монастырей; лишь именуемыя «радикальными» правительства, отбирая у церквей и монастырей не нужны имъ и драгоценныя для науки и искусства древности, обезпечиваютъ цѣлость ихъ и будущимъ временамъ: такъ поступило недавно Румынское правительство, несмотря на сильную оппозицію духовенства, и Бухарестскій музей по справедливости гордится теперь огромнымъ и прекраснымъ собраніемъ церковныхъ древностей и рукописей, собранныхъ со всей Румыніи.

illustribus, sed et in omnibus universitatibus et seminariis theologicis ad cathedras archaeologiae christianae adiuvandas.

2) ut diligentius, quam fieri solet, in ecclesiis urbanis et ruralibus monumenta quae ibi habentur aut reperiantur conserventur.

3) ut Musaeum Salonitanum congruo aedificio exornetur et musaea Spalantense et Iadetense a gubernio publico liberarioribus subsidiis instruantur atque praesidibus propriis administranda tradantur ³⁵).

[In ultima sessione plenaria praeses rogationem movit Regimini publico per C. R. Commissionem Centralem Conservandis Monumentis Historicis promendam, ut ecclesia antiquissima S. Barbarae Tragurina restauretur].

Четвертое отдѣленіе—de patrologia in Seminariis catholicis tractanda et ad archaeologiam applicanda (предсѣдатель іезуитъ Hoffer, профессоръ въ іезуитской гимназіи въ Травникѣ, референтъ prof. Karić изъ Задра) Какъ видно изъ самаго названія отдѣленія этого, оно къ археологіи отношеніе имѣло довольно отдаленное; и, дѣйствительно: въ преніяхъ говорилось не мало вовсе до археологіи не относящагося, какъ напр., о низкомъ состояніи изученія твореній св. отцовъ въ католическихъ семинаріяхъ и университетахъ; говорили о томъ, что нельзя ограничиваться чтеніемъ лишь отдѣльныхъ цитатъ или частей избранныхъ съ исторической или апологетической цѣлью, а что надо прочитывать все сочиненіе, давая комментаріи не только догматическаго, но также и археологическаго характера, и т. д.; предложеніе же dr. Mantovani, библиотекаря Вѣнской Hofbibliothek, составить общими силами сборникъ текстовъ изъ твореній свв. отецъ, церковныхъ историковъ, житій святыхъ и т. д. относящихся къ христіанскимъ древностямъ, оставлено было отдѣломъ безъ вниманія ³⁶). Какъ относительно церковной археологіи, такъ и относительно патрологіи члены съѣзда признали нужнымъ учрежденіе особой кафедры по этому предмету, каковая издавна существуетъ, какъ извѣстно, у насъ не только въ духовныхъ академіяхъ, но и въ семинаріяхъ. Желанія эти формулированы такъ: congressus votum suum enuntiat ac competentes auctoritates rogat et orat:

1) ut in singulis facultatibus universitatum et seminariis theologicis propria patrologiae cathedra erigatur et ut studium SS. Patrum et scriptorum ecclesiasticorum, quorum opera uberrimi fontes archaeologiae christianae sunt, ad hanc disciplinam praecipue applicetur.

³⁵) 1) Чтобы устраивались христіанскіе музеи для сохраненія древнихъ памятниковъ или для собиранія снимковъ съ нихъ не только въ городахъ, знаменитыхъ своей древностью въ христіанствѣ, но также во всѣхъ университетахъ, богословскихъ школахъ, въ качествѣ пособій для кафедры христіанской археологіи; 2) чтобы тщательнѣе, нежели теперь, въ городскихъ и сельскихъ храмахъ сберегались памятники, гдѣ таковыя имѣются или открываются; 3) чтобы Салонскій музей получилъ соответствующее зданіе, чтобы музеи Сплѣтскій и Задрскій получили бы большую субсидію отъ правительства и управлялись бы своими собственными чиновниками.

³⁶) «Настоятельную необходимость» такого собранія призналъ одинъ изъ членовъ

2) ut, donec id obtineatur, professores illi quorum munus est tradere historiam ecclesiasticam aut doctrinam dogmaticam aut apologeticam, saltem unum alterumve ex operibus praecipuis supradictis in schola critice pertractent at discipulis viam ad profundius patrologiae studium monstrent³⁷⁾.

У-ая секція (предс. проф. Любичъ (Ljubić), референтъ проф. Еличъ, секретарь проф. Аранца (Aranza)) носила имя, нѣсколько не соответствовавшее ея занятіямъ, а именно: de rebus historicis Dalmatiae a saeculo VII-мо usque ad XII-тум, тогда какъ занималась она славянскими древностями вообще, и вслѣдствіе этого не соответственнаго имени ея она, быть можетъ, и не видѣла въ своей средѣ вѣнскихъ и иныхъ болѣе многочисленныхъ спеціалистовъ по славяновѣдѣнію, участіе которыхъ значительно способствовало бы успѣхамъ ея дѣятельности.

Нечего и говорить, что всѣ засѣданія ея шли на хорватскомъ языкѣ, почему она и стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ прочаго конгресса по недостатку ея для иностранцевъ, постановленія ея не представлены вмѣстѣ съ постановленіями другихъ секцій въ Австрійское министерство, какъ касающіяся только Юго-славянской Академіи въ Загребѣ.

Изъ рефератовъ, прочтенныхъ въ этой секціи, особенно долгіе споры возбудило сообщеніе учителя Раича о плитѣ отъ преграды (pluteum) хорватско-византійскаго стиля съ фигурнымъ рельефомъ въ крещальницѣ, св. Ивана въ Сплѣтѣ³⁸⁾. Референтъ привелъ мнѣнія предшественниковъ относительно изображенной на одной изъ плитъ этихъ фигуры: Эйтельбергера, Кукулевича³⁹⁾, Джэксона⁴⁰⁾, Булича⁴¹⁾ и Рачкаго⁴²⁾, и присоединился къ мнѣнію первыхъ трехъ, что фигура на тронѣ⁴³⁾ царь, и притомъ считаетъ

связь Dr. Grädman изъ Neuenstein'a въ Баваріи въ замѣткѣ его о связѣ въ Christliches Kunstblatt für Kirche, Schule und Haus. 1894, № 10, стр. 145—149.

37) 1) Чтобы при спеціальныхъ факультетахъ университетовъ и богословскихъ школахъ были учреждаемы спеціальныя кафедры патристики, и чтобы изученіе св. отцовъ и церковныхъ писаній, этихъ обильнѣйшихъ источниковъ для христіанской археологіи, было направлено преимущественно къ цѣлямъ этой науки; 2) чтобы, пока это не устроилось, профессора, на обязанности которыхъ лежитъ преподаваніе церковной исторіи, догматики или апологіи, изучали бы въ школѣ то или другое изъ указанныхъ выше выдающихся твореній критически и указывали бы ученикамъ путь къ болѣе глубокому изученію патристики.

38) Рефератъ напечатанъ въ 79 номерѣ газеты «Katolička Dalmacija» за 1894 годъ; ранѣ авторъ говорилъ о томъ-же въ обширной критикѣ на вышеуказанное изданіе Булича, помѣщенной въ загребскомъ Viestnik't hrvatskoqa arkeologičkoga druzstva XI (1889) стр. 50—55, 115—119, XII (1890) 12—24, 45—59, 90—95, 122—124.

39) Rad jigoslov. Akademiji IVIII. 47—48.

40) Jackson. Dalmatia and Quarnero, II стр. 68 рис. 37.

41) Hrvatski spomenici u Kninskoj okolici, стр. 39—40; въ главной фигурѣ рельефа Буличъ признаетъ Христа, въ двухъ другихъ (одна утрачена) верховныхъ апостоловъ, въ лежащемъ устроителѣ церковной преграды, откуда идетъ плита.

42) Rad jugoslov. Akad. XVI стр. 212—213.

43) На плитѣ этой, утратившей часть правой ея половины, изображенъ въ срединѣ бородатый человекъ, сидящій на тронѣ въ коронѣ съ тремя крестами на ней и держащій

возможнымъ видѣть (съ Кукулевичемъ) хорватскаго короля Томислава, который былъ въ 925 году на церковномъ соборѣ въ Сплѣтѣ, и считать этотъ рельефъ „увѣковѣчившимъ воспоминаніе о коронованіи перваго хорватскаго короля, принявшаго инсигніи свои изъ Рима“.

Противъ референта явилось много возражателей: проф. Еличъ отстаивалъ мнѣніе Булича, что фигура на тронѣ—Христосъ съ Петромъ и Павломъ по сторонамъ, опираясь на то, что на украшеніяхъ преградъ внутри церкви всегда бывали де лишь религіозныя изображенія; прив. доц. Петербургскаго Университета Сырку говорилъ о формѣ короны, не признавая въ рельефѣ короны сходства ни съ византійскими, ни съ болгарскими коронами. Прочіе ораторы одни склонялись къ мнѣнію Елича и Булича, другіе къ отстаиваемому Раичемъ. На другой день осмотрѣвъ тщательно оригиналъ и все же мнѣнія остались разногласными⁴⁴); тѣмъ досадиѣе было спорящимъ констатировать на верхнемъ краю рельефа слѣды надписи, въ которой стояло, можетъ быть, имя или какое иное указаніе для положительнаго рѣшенія вопроса.

Прив. доц. Сырку говорилъ о рукописи XVI вѣка, писанной кириллицей, найденной имъ въ 1893 году въ Сараевѣ и долженствующей быть изданною въ „Гласникѣ Земальског Музеја у Сарајеву“, которая содержитъ молитвы противъ различныхъ болѣзней и напастей, гдѣ въ числѣ именъ святыхъ есть и имена мѣстныхъ славянскихъ святыхъ. Рукопись эту референтъ сравнивалъ съ имѣющеюся у него греческой ркп. XV в., гдѣ между прочими призывается также и Климентъ Охридскій, ученикъ Кирилла и Меѳодія.

Библиотекаръ вѣнскаго Hofbibliothek dr. Mantovani по-славенски читалъ „О важности литургичныхъ рукописей далматинскихъ для исторіи церковнаго пѣнія“. Референтъ демонстрировалъ фотографію рукописи Gradnole францисканскаго монастыря въ Шибеникѣ (Sebenico), гдѣ ноты обозначены надстрочными значками, и указалъ на значительное число подобныхъ рукописей Далмаціи, содержащихъ оригинальные напѣвы и драгоценныхъ для возстановленія древняго церковнаго пѣнія. Референтъ возражалъ на замѣчаніе Сырку, что рукописи эти могутъ быть драгоценны и для изученія народныхъ мотивовъ, говоря, что народное пѣніе слѣдовало, быть можетъ, за напѣвами церковными, какъ то доказывается древними греческими „литургичными книгами“.

Послѣдній рефератъ, Елича, былъ объ искусствѣ Хорватовъ въ средніе вѣка: онъ перечислилъ важнѣйшіе памятники архитектуры (церкви различныхъ видовъ) и скульптуры, которая въ XIII вѣкѣ особенно „самостоятельно“

въ правой рукѣ крестъ, а на лѣво одна стоящая фигура, мужская, въ позѣ адорации; подъ ногами ея совершенно распростертая на землѣ другая меньшая фигурка.

⁴⁴) Мы лично не считаемъ возможнымъ видѣть въ сидящей на тронѣ фигурѣ безъ нимба съ крестомъ въ правой поднятой рукѣ—Христа, а въ предстоящихъ фигурахъ, безъ нимбовъ же и въ свѣтской одеждѣ—апостоловъ; очевидно на тронѣ—земной властитель, но назвать его по имени, не зная ни времени и мѣста изготовленія плитъ этихъ, ни прежняго назначенія ихъ—разумѣется—не возможно.

будто бы развилась; главными дѣятелями и въ той и другой считаетъ авторъ „съ наибольшей вѣроятностью“ Бенедиктинцевъ, каковыми были маисторъ Андрей, строитель церкви на о. Кркъ, авторъ знаменитой древнѣйшей глаголической надписи времени короля Звонимира и сплѣтскій ваятель Оттоя XI вѣка.

Болѣе поздними художниками являются какъ бы продолжатели той же школы Бувина (см. о немъ выше) и Радованъ, строитель Трогирскаго собора.

Памятниковъ живописи сохранилось меньше. Къ чему такихъ памятниковъ южно-славянской иконописи реферантъ относитъ два знаменитыхъ Римскихъ образа.

Одинъ—знаменитый Ватиканскій нерукотворный образъ Спасителя, т. е. образъ Вероники,—прикрытъ въ настоящее время и ризою и новою живописью—и самого его не видно, но на копіи его, исполненной въ Римѣ въ XIII вѣ для одного французскаго монастыря, находится внизу славянская надпись: ОБРАЗЪ ГСПДНЬ НА УБРУСЪ, откуда слѣдуетъ, что если надпись эта не прибавлена копистомъ произвольно, то въ Ватиканскомъ образѣ Вероники сохранилось произведеніе славянской живописи значительно древнѣйшей XIII вѣка.

Другой образъ—такъ наз. „икона царя Константина“, также въ Ватиканѣ⁴⁵⁾. Ислѣдователь приходитъ къ мысли, что икона эта поставлена Кирилломъ и Меодіемъ славянскими въ бытность ихъ въ Римѣ, въ 867 году; поэтому въ фигурахъ (на полѣ) жертвователей иконы онъ видитъ славянскихъ первоучителей, а въ средней папу Адриана II, посылающаго ихъ на проповѣдь. Подпись иконы (СТЪ . . . ПЕТРЪ . . . — СТЫ ПАВЪЛЬ) относится къ XII в. и объясняется реставраціей. Въ подтвержденіе древности иконы реферантъ указывалъ на сходство иконы въ одеждахъ съ фресками въ S. Clemente (что едва-ли основательно) и на свидѣтельство 1192 г. о какой-то иконѣ Петра и Павла, якобы показанной Сильвестромъ Константину В. (гипотеза опять довольно шаткая).

Объ эти иконы реферантъ приготовляетъ къ изданію въ особой публикаціи съ прекрасными автотипическими изображеніями образовъ.

Главнымъ же предметомъ занятій этой секціи было обсужденіе вопроса объ изданіи сборника средневѣковыхъ надписей. Далмаціи: реферантъ Еличъ началъ I-ое засѣданіе секціи указаніемъ на эту главнѣйшую задачу секціи, на задуманный Corpus inscriptionum Dalmaticarum a saeculo VII usque ad s. XII. Во время преній предложеніемъ прив. доц. Сырку задача была расширена: ораторъ желалъ изданія сборника болѣе общаго характера: хронологическаго собранія славянскихъ надписей всѣхъ юго-славянскихъ земель, средства же для изданія, кромѣ надеждъ, возлагаемыхъ на загребскую

⁴⁵⁾ О немъ реферантъ повторилъ свое изслѣдованіе, напечатанное въ сборникѣ въ честь де-Росси. «Archaeologische Ehrengabe zum 70. Geburtstage de Rossi's» (herausg. von A. de-Waal), стр. 82 - 94, tab. V.: Nuove osservazioni sull' icona vaticana dei ss. Pietro e Paolo, di dr. Luca Jelić.

академію, полагалъ онъ возможнымъ найти путемъ подписки въ юго-славянскихъ земляхъ и Россіи. Иные выражали сомнѣнія въ осуществимости столь широкой задачи; но если-бы дѣло велось съ бѣльшимъ согласіемъ между учеными разныхъ славянскихъ земель ⁴⁶⁾, то и эта задача оказалась бы исполнимой. V-я секція постановила: *V sectio in congressu archaeologorum christianorum Spalati Saloni vota exprimet, ut Academia Slavorum Meridionalium curam gerat, ut quamprimum edatur corpus inscriptionum mediae aetatis Dalmatiae et aliorum regionum meridionalium* ⁴⁷⁾.

Вышеприведенныя постановленія сѣзда, изложенныя на латинскомъ языкѣ, на которомъ говорились торжественныя рѣчи, читались нѣкоторые рефераты, печатались приглашенія и будутъ напечатаны протоколы сѣданій,—представлены будутъ австрійскому министерству исповѣданій и просвѣщенія, такъ какъ отъ него зависитъ удовлетвореніе многихъ высказанныхъ сѣздомъ желаній; въ виду международнаго характера сѣзда обратятъ, вѣроятно, на постановленія его вниманіе и министерства иныхъ странъ, гдѣ существуютъ особые богословскіе факультеты, тѣмъ болѣе можно ожидать вниманія къ постановленіямъ сѣзда учреждений католическихъ, такъ какъ и численностью, и дѣятельностью преобладали на сѣздѣ католическія духовныя особы. Если немногочисленны были иностранцы на самомъ сѣздѣ, то въ трудахъ его, изданіе которыхъ, какъ увѣряли насъ, обезпечено, появятся статьи ученыхъ различныхъ націй, статьи, которыя за недостаткомъ времени не могли быть прочтены на сѣздѣ. Эти научныя труды—рядъ важныхъ постановленій и предпріятій, задуманныхъ первымъ международнымъ сѣздомъ въ Сплѣтѣ—побудить, вѣроятно, изслѣдователей и любителей христіанской древности въ бѣльшемъ числѣ собраться на будущей сѣздѣ въ Равеннѣ, къ ея знаменитымъ древностямъ. Именно эти равеннскія древности и терминъ „равеннскаго стиля“, употреблявшійся на сплѣтскомъ сѣздѣ и заставляють насъ желать, чтобы русскіе ученые явились въ Равенну представить достойнымъ образомъ восточную науку христіанской археологіи и доказать ту общепризнаваемую у насъ прямую зависимость равеннскихъ древностей отъ Константинополя. Но, если и исполнятся наши желанія, если равеннскій сѣздъ будетъ многочисленнѣе сплѣтскаго, если русская наука будетъ представлена тамъ достойнымъ образомъ, если тамъ больше вниманія удѣлять христіанскимъ древностямъ востока, и если этотъ эллинскій востокъ самъ представитъ себя болѣе дѣятельно, нежели въ Сплѣтѣ, гдѣ проф. Schultze явился представителемъ отъ аѣинскаго общества *Ἐταιρία τῆς χριστιανικῆς ἀρχαιολογίας*, о научной дѣятельности котораго ничего не слышно даже въ самихъ Аѣинахъ, если постановленія равеннскаго сѣзда будутъ важнѣе выше приведенныхъ, во всякомъ случаѣ сѣздъ въ

⁴⁶⁾ Надписи Босанскія уже издаются самостоятельно Трухелькой въ «Гласникъ земальскогъ музеја» въ Сараевѣ.

⁴⁷⁾ Чтобы академія Юго-славянская приняла на себя заботы издать, какъ можно скорѣе, собраніе средневѣковыхъ надписей Далмаціи и другихъ южныхъ странъ.

Сплѣтъ будетъ памятенъ участникамъ его тѣмъ, что онъ былъ первымъ и доказалъ осуществимость мысли такихъ съѣздовъ, что протекалъ онъ среди столь интересныхъ древностей и въ такихъ дивныхъ мѣстахъ. Не забудутъ участники съѣзда и двухъ столповъ его, которые несли на своихъ плечахъ всю тяжесть, какъ долговременнаго устройства съѣзда, такъ и всѣ неисчислимыя хлопоты во все его продолженіе: директора гимназіи и музея издавна извѣстнаго изслѣдователя салонскихъ и книнскихъ древностей монсиньора Франца Булича и молодаго, даровитаго ученаго, профессора Задрской гимназіи, Луки Елича: если съѣздъ состоялся, если онъ прошелъ столь пріятно и поучительно для участниковъ, этимъ обязаны они непоколебимой энергіи этихъ двухъ лицъ.

А. Смирновъ.

Въна, 1894 г.

IV

Археологическая хроника.

— Въ первыхъ числахъ мая Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ были предприняты археологическія изслѣдованія у с. Спасъ-Тушино (15—16 в. отъ Москвы) подлѣ урочища Барышиха. Разрыто было 15 кургановъ средней величины (1 $\frac{1}{2}$ —3 $\frac{1}{2}$ метровъ высоты). Найденные въ курганахъ предметы относятся къ извѣстному изъ другихъ раскопокъ московскому типу (характерныя крупныя металлическія семилепестныя привѣски). Особенный интересъ возбуждала необыкновенная сохранность могильнаго сруба въ самомъ большомъ изъ кургановъ (срубъ вмѣстѣ съ берестой); въ томъ же курганѣ найдена превосходной сохранности мужская обувь (короткое голенище, острый носокъ, подошва безъ каблуковъ). Болѣе подробный отчетъ о раскопкѣ будетъ сообщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Арх. Изв.“.

— При производствѣ земляныхъ работъ для прокладки канализационныхъ трубъ въ Москвѣ, 8-го мая въ Ипатьевскомъ переулкѣ, на Ильинкѣ, сдѣланы на глубинѣ 5 аршинъ цѣнныя въ археологическомъ отношеніи находки: нѣсколько остроконечныхъ тяжелыхъ шлемовъ, сильно, къ сожалѣнію, попортившихся отъ времени, 5 кольчугъ, 12 разныхъ копій, нѣсколько конскихъ уборовъ, сосудъ краснаго металла съ ясно виднымъ на немъ изображеніемъ оленя. Всѣ эти вещи найдены были городскимъ десятникомъ Лопатинымъ сложенными въ одномъ мѣстѣ. Затѣмъ однимъ изъ рабочихъ была найдена мелкая серебряная монета съ обрубленными неровными краями, находившаяся въ ислѣвшемъ отъ времени кисетѣ.

На нѣкоторыхъ монетахъ довольно ясно видны изображеніе Георгія Побѣдоносца и надпись „князь великій Иванъ...“ На слѣдующій день, 9-го мая, рабочіе, несмотря на праздникъ, собрались для продолженія раскопокъ и нашли еще нѣсколько мелкой серебряной монеты. (Русск. Вѣд., 1895, № 128).

— 25 февраля 1895 г. воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на уступку западной части Тверскаго Императорскаго Дворца подъ помѣщеніе Тверскаго историко-археологическаго музея. До сихъ поръ музей, основанный въ шестидесятыхъ годахъ, не имѣлъ собственнаго помѣщенія и занималъ одну изъ большихъ залъ мужской гимназіи. Помѣщеніе это давно стало недостаточнымъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ стараніемъ А. К. Жизневскаго музей началъ быстро и обильно наполняться предметами Тверской древности и старины, поступавшими сюда со всѣхъ концовъ губерніи и давно уже, за тѣснотою, все, что можетъ находиться на открытомъ воздухѣ, помѣщено на дворѣ дома Архивной Коммиссіи, а очень большое количество вещей хранится въ закрытыхъ ящикахъ музея, или остается почти незамѣтнымъ въ переполненныхъ шкапахъ его. Въ тверскомъ музеѣ хранится болѣе семи тысячъ замѣчательныхъ рукописей и болѣе восьми тысячъ семисотъ древнихъ и старинныхъ предметовъ кромѣ старопечатныхъ книгъ, каменные и костяные орудія и горшки каменнаго вѣка, предметы курганнаго періода, большая коллекція бытовыхъ и церковныхъ древностей края. — Теперь, съ переходомъ во дворецъ, открывается полный просторъ къ новому обогащенію музея по всѣмъ отраслямъ его программы и дальнѣйшее преуспѣваніе этого учрежденія становится внѣ всякихъ сомнѣній.

— Въ Маріуполѣ, въ Харлампіевскомъ соборѣ, хранится крайне интересная икона св. Георгія, перевезенная въ Маріуполь выселившимися изъ Крыма греками; по преданію, она была взята изъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря. Икона вырѣзана рельефомъ на доскѣ и покрыта мастикою; „отъ древности мастика осыпается, дерево само отваливается; на копьѣ и панцырѣ остались слѣды позолоты“; въ описи 1859 г. объ этой иконѣ сказано, что она помѣщена „въ позолоченой съ рѣзьбой рамѣ; на ней шата серебряная, вызолоченная, на поляхъ страданія святаго покрыты также серебряной шатою; на главѣ святаго серебряный вызолоченный вѣнецъ, украшенный стразами и яхонтами“. *) Снимокъ съ этой иконы, къ сожалѣнію, не достаточно удавшійся для воспроизведенія его въ печати, былъ направленъ Моск. Археол. Обще-

*) Маріуполь и его окрестности, изд. Д. А. Хараджаева, стр. 124, 125 (Маріуп. 1892).

ствомъ къ Н. В. Покровскому, который любезно сообщилъ свой взглядъ на этотъ интересный памятникъ старины. „Икона, пишетъ Н. В. Покровский, имѣеть около 1 1/2 арш. высоты и потому, вѣроятно, предназначалась для церковнаго, а не для домашняго употребленія. Св. Георгій, изображенный на иконѣ, пользовался большимъ уваженіемъ издревле какъ въ Византіи, такъ и въ Сиріи, и въ Россіи, и особенно на Кавказѣ, гдѣ онъ, какъ каппадокіецъ по происхожденію, считался національнымъ святымъ. Эта неясность происхожденія иконы, а равно и то, что я не видѣлъ оригинала, не позволяютъ мнѣ высказаться прямо: въ Византіи или на Кавказѣ (два наиболѣе вѣроятные пункта) изготовлена она. Но гдѣ бы и кѣмъ бы она ни была изготовлена, во всякомъ случаѣ она носитъ на себѣ несомнѣнные признаки древняго византійскаго стиля. Посмотримъ на главную фигуру и композиціи по полямъ. Изображенъ воинъ съ щитомъ въ лѣвой рукѣ, снабженнымъ обычно выпуклостью (*ομφαλός*), какъ на щитахъ греко-римскихъ и византійскихъ; въ правой рукѣ длинное копье; воинъ одѣтъ въ броню и тунику, выпущенную изъ подъ брони; на ногахъ, повидимому, поножи; головной уборъ не ясенъ; какъ будто тутъ есть слѣдъ восточнаго вліянія, столь обычнаго въ но искусствѣ византійскомъ, (если только это не просто волосы?). Фигура вся напоминаетъ св. война Георгія; и это несомнѣнно св. Георгій, какъ видно изъ изображеній на поляхъ. Вверху, съ лѣвой стороны отъ зрителя, изображены Діоклитіанъ и его соправитель; предъ ними св. Георгій въ сопровожденіи война; это—Георгій объявляетъ себя христіаниномъ; ниже—воины ведутъ Георгія въ темницу; Георгій въ темницѣ съ закованными въ кандалы ногами, мучители накладываютъ на его грудь камень; ниже—колесованіе св. Георгія, наконецъ, въ самомъ низу, мученіе въ негашеной извести. На правой сторонѣ, вверху, біеніе Святаго воловьими жилами, или желѣзными крючьями; ниже—св. Георгій воскрешаетъ мертвеца; поселянинъ съ воломъ, воскрешеннымъ св. Георгіемъ, стоитъ передъ нимъ въ темницѣ; Георгій обличаетъ языческое идолослуженіе; усѣкновение главы св. Георгія. Всѣ эти композиціи, за исключеніемъ одной, описаны и въ греческомъ иконописномъ подлинникѣ, который въ своей послѣдней редакціи относится къ эпохѣ возрожденія греческаго искусства, но на ряду съ новшествами удерживаетъ и многія черты отдаленной византійской старины. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ этими древними чертами. Что изображеніе св. Георгія въ видѣ стоящаго война въ христ. иконографіи древнѣе Георгія-всадника, объ этомъ свидѣлствуютъ довольно многочисленные памятники. Вся фигура центрального изображенія дышитъ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которымъ отличаются

памятники вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства въ XI—XII в. Она довольно правильна и красива, но тонкія длинныя ноги даютъ понять, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ эпохою, близкою къ упадку византійскаго искусства. Въ боковыхъ композиціяхъ замѣтна значительная жизненность и простота, чуждая того отталкивающаго реализма, которымъ щеголяютъ художники эпохи упадка. Трактованіе сценъ мученія здѣсь напоминаетъ соотвѣтствующія сцены въ миниатюрахъ ватиканскаго минологія X вѣка, и если нужно указать еще примѣръ изъ области скульптуры, то я указалъ бы на Беневентскія врата XII в., на которыхъ многочисленныя сцены изъ Евангелія трактованы съ тѣмъ же непринужденнымъ спокойствіемъ, какъ и здѣсь; тамъ и здѣсь сцены не очень сложныя, а въ фигурахъ видна правильность и красота. Въ частности по отношенію къ главной фигурѣ—центральной, мы имѣемъ аналогію въ чеканномъ изображеніи св. Георгія въ Джумати XII в., но наша икона, повидимому, не имѣетъ грузинскихъ примѣсей, очевидныхъ въ Джуматскомъ изображеніи. Техника иконы довольно высокая, соотвѣтствующая намѣченной эпохѣ; орнаментика на поляхъ изящная. Необыкновенная пластичность формъ, высота рельефа выдѣляетъ икону изъ ряда однородныхъ произведеній того времени. При первомъ впечатлѣніи у меня даже возникъ вопросъ: не имѣетъ ли близкаго соотношенія эта икона съ аеонскою рѣзбою XVI в., которая отличается подобною же высотой рельефовъ; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи иконы я оставилъ это предположеніе и объяснилъ эту особенность свойствомъ матеріала и характеромъ техники. Я оставляю въ сторонѣ нѣкоторыя детали, напр., въ костюмировкѣ, архитектурныхъ формахъ (колонна), въ строеніи пещеры погребальной и саркофага (сцена воскрешенія мертвеца), которыя прямо указываютъ на византійскую древность, но разборъ которыхъ для ближайшихъ цѣлей представляется излишнимъ. Полагаю, что, въ виду указанныхъ соображеній, икону слѣдуетъ отнести къ XI или XII в., скорѣе къ первому, чѣмъ ко второму“.

— Въ Дашурѣ найдены при раскопкахъ новыя драгоценности: золотое украшеніе временъ 12 династїи, десять гипсовыхъ статуй, изображающихъ людей въ сидячемъ положеніи, въ двойную величину человѣческаго роста, временъ 13 династїи, украшавшіе храмъ въ Узертесенѣ. Онѣ отправлены въ музей Гизе, а также и красивая барка 1,70 метровъ длиною и 60 сантиметровъ вышиною. Барка представляетъ новостъ. Она сдѣлана изъ дерева и выкрашена въ красноватую краску. На ней есть палуба и двѣ каюты, съ дверями, украшенными фигурами и надписями. На крытой палубѣ пять человѣкъ сидятъ на

полу, а на носу стоятъ капитанъ и матросъ, и два человѣка сидятъ на корточкахъ. Мачта сломана, но есть рея и длинный руль. („Спб. Вѣд.“ № 94, 1895).

— Проф. Флиндерсъ Петри въ „Royal Society“ въ Эдинбургѣ сообщилъ о своихъ новѣйшихъ раскопкахъ въ 30 миляхъ къ сѣверу отъ Оивъ въ Египтѣ. Онъ нашелъ тутъ большое число могилъ съ костями людей, жившихъ тамъ за 3,000 лѣтъ до Р. Х. и совершенно непохожихъ на египтянъ. Онъ доказалъ это не только различіемъ въ строеніи костей, но и остатками предметовъ, найденныхъ въ могилахъ. По мнѣнію Флиндерса Петри, эти кости принадлежали народу, который находился на очень низкой культурной ступени. Это — вѣтвь тѣхъ либійцевъ, переселившихся на востокъ, которые основали амонитское племя въ Сиріи. („Нов. Вр.“ № 871, 1895 г.)

V

Библиографія.

Труды Рязанской уч. архивной комиссіи, т. X, вып. 2 (Рязань, 1895).
А. Черепнинъ — „Мѣстная старина“ (продолж.): *Борковский могильникъ* (стр. 71—103). Предпославъ очеркъ исторіи изученія извѣстнаго Борковского могильника, авторъ даетъ обстоятельный отчетъ о раскопкахъ, предпринятыхъ имъ въ такъ называемыхъ Придорожномъ и Жемчужномъ буграхъ, входящихъ въ составъ названнаго могильника. Было обнаружено три вида похоронныхъ обрядовъ: 1) *простое погребеніе* (тѣло умершаго полагалось въ могилу въ лежачемъ положеніи, преимущественно на спину); 2) *трупосожженіе* (трупъ предварительно сжигался на кострѣ; затѣмъ остатки пережженныхъ костей зарывались въ могилу вмѣстѣ съ украшеніями и оружіемъ; предметы въ большинствѣ случаевъ не имѣли на себѣ слѣдовъ дѣйствія огня); 3) *погребеніе въ сидячемъ положеніи* (тѣло умершаго помѣщалось въ могилу въ сидячемъ положеніи, при чемъ ноги были протянуты горизонтально, подъ прямымъ угломъ къ туловищу). Слѣдовъ внѣшнихъ насыпей надъ могилами не было. Глубина могилъ колебалась отъ $\frac{3}{4}$ — $1\frac{3}{4}$ арш., хотя изрѣдка были находимы могилы и на болѣе значительной глубинѣ, до $2\frac{1}{2}$ арш. Въ могилахъ съ простымъ погребеніемъ, находились большею частью остатки одного костяка (направ. головы преимущественно на СВ., СВВ., В. и С.), но въ 4-хъ могилахъ оказались остатки двухъ погребеній. Костяки въ большинствѣ случаевъ истлѣли, вслѣдствіе чего Борковский могильникъ вообще далъ лишь крайне мало матеріала для антропологическаго изученія. Въ могилахъ не было найдено остатковъ колоды или гробовъ, но довольно часто встрѣчались

куски луба (особенно въ женскихъ могилахъ), служившіе подстилкой или прикрытіемъ умершему; иногда покойникъ былъ завернутъ въ одинъ большой кусокъ луба. Въ ногахъ, а иногда въ головахъ костяка, находились глиняные сосуды, въ общемъ довольно однообразные: почти всѣ они, по словамъ г. Черепнина, были темно-сѣраго цвѣта, хорошаго обжига, довольно грубой ручной работы, $2\frac{3}{4}$ —3 верш. высоты, къ дну сужены, съ прямыми вѣнчиками и съ небольшою выпуклостью боковъ подъ вѣнчикомъ; большая часть сосудовъ была лишена украшеній; на нѣкоторыхъ, впрочемъ, верхній край вѣнчика орнаментированъ наклонно-параллельными углубленіями; далѣе на одномъ—подъ вѣнчикомъ были выдавлены небольшіе кружочки, расположенные въ два ряда, въ шахматномъ порядкѣ; на другомъ горшкѣ, ниже вѣнчика, на выпуклости идетъ кругомъ рядъ наклонно-параллельныхъ короткихъ черточекъ. Кромѣ подобныхъ сосудовъ въ могилахъ были находимы еще отдѣльные черепки разбитыхъ сосудовъ, положенныхъ уже разбитыми въ могилы; эта послѣдняя находка, въ связи съ находимыми въ могилахъ угольками, слѣдами золы и пепла, приводятъ г. Черепнина къ заключенію, что во время похоронъ, надъ покойникомъ, передъ засыпаніемъ могилы, совершались религіозные обряды, сопровождавшіеся поминальнымъ питьемъ и ѣдой, при чемъ черепки разбиваемыхъ сосудовъ вмѣстѣ съ угольками, золой и пепломъ кидались въ могилу. Борковскій могильникъ доставилъ большое количество металлическихъ украшеній, желѣзнаго оружія (мечи, копья, ножи), бусъ и гончарныхъ издѣлій. Серебряныхъ украшеній было найдено сравнительно мало, а именно: три шейныя гривны, въ видѣ гладкихъ обручей изъ проволоки, утончающейся къ концамъ, двѣ небольшія фигурныя бляшки, серебряныя тонкія пластины, которыми были обложены ножны одного меча; разнообразной формы бляшки отъ поясовъ, пряжки и наконечники отъ нихъ же, три привѣски въ видѣ бутылочекъ, крупная крестообразная фибула и два колечка съ несведенными концами, найденныя въ двухъ мужскихъ могилахъ у лѣваго виска. Гривна и крестообразная фибула были изъ низкопробнаго серебра; небольшія вещи имѣли болѣе высокую пробу. Въ нѣкоторыхъ могилахъ были находимы и куски полуистлѣвшей шерстяной ткани, тонкихъ снурковъ, скрученныхъ изъ шерстяныхъ, иногда льняныхъ или шелковыхъ (въ двухъ случаяхъ) нитей, обрывки шерстяной бахромы, кожи, ремней, изрѣдка холщевой и, кажется, хлопчато-бумажной ткани. Сравнивая остатки шерстяныхъ тканей, замѣчаетъ г. Черепнинъ, легко было замѣтить различіе какъ въ качествахъ тканей, такъ и въ способахъ ихъ выдѣлки. Одни лоскутки представляли грубую, неплотную шерстяную матерію, темно-коричневаго цвѣта; на основу и утокъ шла одинаковой толщины шерстяная пряжа; другіе—представляли тонкую, болѣе плотную и тщательно вытканную шерстяную матерію; на двухъ клочкахъ, наконецъ, хорошо сохранился узоръ въ видѣ затканыхъ узкихъ долевыхъ полосокъ, расположенныхъ параллельно одна другой. Цвѣтъ тканей преимущественно темный: коричневый, темно-коричневый и почти черный.

Český lid. (Сборникъ по этнографіи Чехіи, Моравіи, Силезіи и Словеніи моравской, 6 книгъ въ годъ) 1894. Прага.

Помимо чисто этнографическаго матеріала, въ каждой книжкѣ вторую половину занимаютъ статьи по мѣстной археологіи, представляющія не малый интересъ. Представляемъ перечень этихъ статей съ краткими замѣтками объ ихъ содержаніи.

L. Niederle: „О главныхъ задачахъ (uloha) чешской археологіи“. Авторъ находитъ возможнымъ въ виду накопившагося матеріала попытаться сдѣлать систематическое изложеніе чешской археологіи, по крайней мѣрѣ, для до-историческаго ея періода. Пересмотръ этотъ показываетъ то, что сдѣлано и доступно обобщенію, а также и тѣ пробѣлы, которые наука должна восполнить. Оказывается, что даже такіе крупныя вопросы, какъ существованіе неолитической культуры въ Чехіи, еще вопросы спорныя *). Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о первоначальныхъ поселеніяхъ Чехіи. Значительное число могилъ бронзоваго періода еще не опредѣлены этнографически, также не ясна хронологія для исторіи Чехіи за I, II, III в. по Р. X.; роль разныхъ пришельцевъ (Бойевъ, Маркомановъ); существованіе культуры т. н. меровингскаго типа (иначе готскаго, германскаго) далеко не установлено точно и т. д. Наконецъ авторъ отмѣчаетъ крупный вопросъ, важный для хронологіи, вопросъ о керамикѣ, особенно славянской (I, 65—73). *I. Matiegka*: „Матеріалы для изученія чешскаго неолита“. Описаніе неолитическаго могильника и поселенія у Лосовиць, могилъ со скорченными костяками у Малыхъ Жерносекъ; здѣсь найдены окрашенные въ красную краску скелеты, подобные нашимъ смѣльскимъ, кievскимъ, херсонскимъ, а также западнымъ (въ Бельгіи, Англіи, Франціи); въ окраскѣ авторъ статьи видитъ своеобразную татуировку, употреблявшуюся и живыми съ цѣлью украшенія и защиты тѣла (напр. отъ насѣкомыхъ) (I, 73—76; II, 177—182). *L. Šnajdr*: „Палеонтологическіе афоризмы, относящіеся къ Чехіи“. Исходя изъ устойчивости этническихъ особенностей расъ, авторъ, пользуясь статистикой современнаго населенія, пытается указать (по цвѣту волосъ и глазъ) на двѣ струи въ составѣ чешскаго племени; между прочимъ онъ въ голубоглазыхъ типахъ находитъ остатки Хорватовъ, зашедшихъ въ Чехію и жившихъ частью около Балтійскаго моря въ I в. по Р. X. (I, 77—84; II, 172—177). *Fr. Kučera*: „Доисторическія находки въ Лонскомъ“ (Lounsko) описываетъ кладбище первыхъ временъ христіанства, могилы неолитич. эпохи у Veltež, могилы бронзоваго вѣка, остатки поселеній галльскихъ въ этой же мѣстности (I, 84—86; II, 164—171; VI, 563—568). *K. I. Maška*: „Человѣкъ дилювіальнаго періода въ Пржедмостьи“—первое извѣстіе о находкѣ (II, 161—164) (см. Арх. Изв. и Зам. 1894 г., № 8—9; стр. 262). *L. Niederle*: „О позднѣйшемъ каменномъ періодѣ въ Чехіи“ (III, 257—275; IV, 350—359) (см. Арх. Изв. и Зам. 1894 г. № 89, стр. 282 и сл.). *I. Matiegka*: „О распространеніи каменныхъ

*) Авторъ—сторонникъ существованія этого періода, другіе, компетентные археологи, какъ Пичъ, Смоликъ, отрицаютъ этотъ періодъ (см. Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 282—3).

орудій въ Чехіи и на Моравѣ въ связи съ геологіей края“. Сравнивъ карту находокъ каменныхъ орудій съ геологической картой края, авторъ убѣдился въ тождественности территорій, откуда выводъ: жители, употреблявшіе каменные орудія, селились тамъ, гдѣ природа давала матеріаль для издѣлія; это подтверждается сходствомъ матеріала въ орудіяхъ съ геологич. строеніемъ мѣстности (III, 276—280). *Его же* „О типахъ серповъ и ихъ употребленія въ доисторическое время“.—Попытка свести воедино и классифицировать матеріаль, собранный изъ раскопокъ въ Чехіи, у античныхъ народовъ и современныхъ дикарей (IV, 359—366). *B. Moravec*: „Hornberg (Hohenberg)“—чешское городище доисторической эпохи (III, 280—283). *J. Hávelka*: „Валь и Градекъ у Милетина“—городище (IV, 366—367). *Jan Knies*—„Доисторич. находки поздней славянской эпохи на Моравѣ“. Изложивши библиографію по моравскимъ древностямъ, разсѣянную въ массѣ мелкихъ журналовъ, авторъ даетъ краткое описаніе и примѣры всѣхъ родовъ древностей, встрѣчающихся на Моравѣ: городищъ нѣсколько типовъ (древнѣйшаго типа—подковообразныя, на высотахъ, родовыя—менѣе укрѣпленныя, нѣчто въ родѣ караванъ-сараевъ, временныя и т. д.), ямъ съ культурными отложениями, погребенія съ трупосожженіемъ (двухъ видовъ: въ могильной ямѣ и съ горшкомъ-пепельницей), обыкновенное погребеніе (уже отъ времени начатковъ христіанства). Эпоха младшая доисторическая опредѣляется авторомъ съ IV в. до XII в. по Р. Х. (I, 449—468; VI, 545—549). *I. Kučera*: „Доисторическія поселенія въ бассейнѣ Ольшавы, Влары и Сеницы въ Моравской Словеніи“. Статья по характеру сходная съ предъидущей (VI, 550—563). *Jar. Haasz*: „Сохраненіе памятниковъ и древностей“. Авторъ одобряетъ поднятый мѣстнымъ археолог. обществомъ (Společnost přátel starožitností českých v Praze) вопросъ о мѣрахъ сохраненія древностей: названное общество внесло въ мѣстный сеймъ предложеніе объ учрежденіи правительственной комиссіи для выработки подобнаго плана (IV, 366—375). „Мелкія археолог. извѣстія“; не лишены интереса между ними: извѣстіе о находкѣ костей мамонта въ Чехіи и на Моравѣ въ сочиненіи іезуита Kasp. Schotta „Fysica curiosa“ (1697 г.); фибула оригинальнаго типа (приложенъ рисунокъ), относимая издателями къ половинѣ перваго тысячелѣтія нашей эры (II, 182—184; VI, 569—573) *Niederle* „Девятый русскій археологич. съѣздъ въ Вильнѣ“—краткій отчетъ (V, 469—471).

Sitzungsberichte der gel. estnischen Gesellschaft. 1894. (Юрьевъ 1895). *Проф. Хаусманъ* въ краткой замѣткѣ подъ загл. *Materialien zur liv. u. estl. Geschichte in Moskau* обращаетъ вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на документы, хранящіеся въ Моск. Архивѣ М. Юстиціи и имѣющіе отношеніе къ исторіи прибалтійскихъ губ.

Въ статьѣ *Estnische Alterthümer aus der Gegend von Oberpahlen* *проф. Хаусманъ* сообщаетъ о находкахъ, сдѣланныхъ случайно и путемъ раскопокъ, въ двухъ мѣстностяхъ около Оберпалена: въ им. Каннаферъ и Пайусъ;

въ послѣднемъ раскопки были произведены проф. Хаусманомъ. Въ древности указанная мѣстность входила въ предѣлы эстонской области Саккала. По своему устройству могильникъ им. Пайусъ близко подходит къ могильникамъ, которые проф. Хаусманъ называетъ *Steinreihengräber*—имя, которымъ онъ предложилъ замѣнить неудачное названіе подобныхъ могилъ *корабельными*; находки въ обоихъ имѣніяхъ, состоящія изъ желѣзнаго оружія и бронзовыхъ украшеній, свидѣтельствуютъ, что въ культурномъ отношеніи оба могильника относятся къ одной эпохѣ и принадлежатъ одному народу; кромѣ того онѣ стоятъ въ ближайшей связи съ находками изъ аналогичныхъ могильниковъ о-ва Эзеля. Приписывая могильники эстонцамъ проф. Хаусманъ замѣчаетъ, что на основаніи имѣющихся въ настоящее время предметовъ, могильники могутъ быть отнесены приблизительно къ концу 1-го тысячелѣтія по Р. Х.; но находка фибулы (*Nakenfibel*) болѣе древняго типа позволяетъ ему предположить, что могильникъ служилъ погребеніемъ и въ болѣе отдаленный періодъ времени. Находки аналогичныя были сдѣланы и около Тарваста (Реума на юв. отъ Феллина). *Паст. М. Лунъ* (*Ein Fund in der Kirche zu St. Michaelis*) обращаетъ вниманіе на интересъ, который представляютъ найденныя въ Эстляндіи при ремонтѣ церкви документы конца XVII и начала XVIII в.; въ числѣ этихъ документовъ находится между прочимъ перечень съ точнымъ топографическимъ указаніемъ 13-ти древнихъ могильниковъ, на которыхъ въ XVII в. эстонцы продолжали погребать умершихъ, избѣгая, быть можетъ вслѣдствіе дороговизны, церковнаго погребенія. *А. Шнейдеръ* (*Ueber nachträgliche Ausgrabungen beim Lubbenhofschen Begräbniss-hügel*) даетъ свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ могильникахъ около лубенховскаго могильника, изслѣдованнаго въ предшествующемъ году г. *Шредеромъ* (см. Арх. Изв. № 4, стр. 138), при чемъ культура послѣдняго могильника оказывается болѣе древней, чѣмъ обнаруженная раскопками г. Шнейдера, нашедшаго между прочимъ и слѣды гробовъ или досокъ, на которые полагались умершіе. *Л. Шредеръ* (*Die Steinhügel-gräber v. Randen*) сообщаетъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ могильникѣ съ погребеніемъ на берегу оз. Вирціервъ; могильникъ состоялъ изъ невысокихъ кургановъ, сложенныхъ изъ камней; костякъ лежалъ на насыпномъ пескѣ, замощенномъ камнями. Изслѣдованъ былъ одинъ курганъ; предметовъ не было найдено. Этотъ видъ погребенія является, по мнѣнію г. Шредера, совершенно новымъ и не смотря на свою бѣдность инвентаря заслуживаетъ вниманіе изслѣдователей. *Л. Шредеръ*: *Die Begräbnisstätte des Wez-Dangen-Gesindes in Schloss-Salisburg*. Раскопки г. Шредера въ названной мѣстности обнаружили могильникъ по устройству и по инвентарю сходный съ лубенховскимъ, вслѣдствіе чего онъ и приписываетъ его латышамъ; лично изслѣдователемъ не было найдено монетъ, но на основаніи монетъ, найденныхъ крестьянами, г. Шредеръ склоненъ относить погребеніе къ XVI—XVII вв. Въ замѣткѣ *Die archäologische Excursion des Sommers 1889* *Л. Шредеръ* даетъ обстоятельный отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ, гг. Лешке, Хаусманомъ, Бемомъ и др.

во время ихъ поѣздки на Эзель и въ разныя мѣстности Лифлянді; особое вниманіе заслуживаютъ раскопки невысокихъ кургановъ съ погребеніемъ (прибл. 1 метръ выс.) въ имѣніи Аллашъ; костяки лежали на поверхности земли (напр. СВ—ЮЗ), въ головахъ или ногахъ находился глиняный сосудъ; среди предметовъ (оружіе, бусы, бронз. украшенія) были найдены и шитыя образныя фибулы съ монетой Этельреда; раскопка городища ок. Фрейденберга дала большое количество черепковъ глиняной посуды, костей и костяныхъ орудій (бронзовыя украшенія были прежде находимы на городищѣ случайно въ могилахъ около городища при одномъ изъ костяковъ былъ найденъ римскій шиллингъ).

Bibliothèque de l'école des Chartes (т. LV, вып. 5-й, 1894) Г. М. *ranvillé* напечаталъ по рукописи Націон. Библіотеки весьма интересный памятникъ, сообщающій свѣдѣнія о Тамерланѣ (*Mémoire sur Tamerlan et sa cour par un dominicain en 1403*). Въ іюнѣ 1403 г. прибылъ въ Парижъ съ востока епископъ города Султанаи Іоаннъ съ порученіемъ отъ Тамерлана вручить письмо королю Карлу VI; посольство имѣло цѣлью завязать торговыя сношенія. Для популяризаціи цѣли своего посольства и для ознакомленія современниковъ съ покорителемъ Азіи епископъ издалъ на французскомъ языкѣ небольшой трудъ, въ которомъ онъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Тамерлана; въ латинскомъ переводѣ, весьма близкомъ къ французскому подлиннику, трудъ еп. Іоанна былъ помѣщенъ въ *Chronographia regum Francorum* подъ 1403 г., вслѣдъ за рассказомъ о прибытіи епископа въ Парижъ. Въ рядѣ небольшихъ главъ епископъ знакомитъ своихъ современниковъ съ личностью Тамерлана; описываетъ исторію его возвеличенія, останавливается на его внѣшности, характерѣ, личныхъ вкусахъ и на составѣ его семьи; далѣе перечислены границы новой монархіи, рассказывается о способахъ ея управленія, дворѣ Тамерлана и, наконецъ, рядомъ съ историческими свѣдѣніями о его побѣдахъ, помѣщено и нѣсколько анекдотовъ изъ его жизни. Кромѣ интереса, который представляетъ вообще опубликованіе подобнаго памятника, изданіе г. *ranvillé* особенно цѣнно въ томъ отношеніи, что въ примѣчаніяхъ издатель указалъ черты сходства и различія повѣствованія еп. Іоанна съ рассказами нѣкоторыхъ другихъ современниковъ о Тамерланѣ.

В I и II (въ одной книгѣ): Древности ка-
меннаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр.
С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.
Вып. VII. Монеты Веспорскаго царства и
древне-греческихъ городовъ, находившихся въ
редѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами.
Лостав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.
Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе
Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр.
А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря
въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.
Византійскій Альбомъ — посмертное изд. гр.
А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.
Уступка книгопродавцамъ и библиотекамъ
учебныхъ заведеній 25⁰/₀.
Продаются въ собственномъ домѣ Общества,
въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Ка-
меннаго моста.
Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей объявляетъ,
что съ 1-го января 1894 года, учреждается на средства, пожертвованныя
г. Почетнымъ членомъ Общества **Александромъ Львовичемъ Вертье-Делагар-**
домъ, единовременная премія, въ размѣръ 600 р. с. за лучшее рукописное и ори-
гинальное сочиненіе по исторіи и археологій Новороссійскаго края и преиму-
щественно Крыма, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе пред-
ставляется на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ къ 1-му января
1896 года и послѣдующихъ годовъ, до тѣхъ поръ пока на данную тему не
будетъ выдана награда, или самая тема не будетъ снята съ очереди (§ 5), при
девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужде-
ніе преміи состоится не позже апрѣля соотвѣствующаго года.

Пользуясь правомъ предоставленнымъ жертвователемъ, Общество объяв-
ляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія
четыре темы (изъ нихъ первыя двѣ оставлены отъ минувшаго года на конкурсъ).

1. Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писате-
лей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго
времени до эпохи Юстиніана.
2. Историко-Этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья
въ VIII, IX и X вѣкахъ.
3. Торговля сношенія колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ
эпоху древняго міра.
4. Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ, въ XI столѣтіи.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно
на русскомъ языкѣ, причемъ автору выдаются оттиски.
За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту
Общества В. Н. Юргевичу въ Одессѣ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его рас-
поряженіи находятся еще двѣ преміи: первая — имени **Димитрія Максимовича**
Княжевича, на проценты съ капитала 2000 руб., въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ
истекаетъ къ 14-му ноября 1899 г., за выдающийся ученый историко-археологичес-
кій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая — **Одесской Городской**
Думы — безерочная въ 500 руб. за сочиненіе по археологій и исторіи Новороссій-
скаго края.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по тѣ же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **МОСКОВСКИХЪ** подписчиковъ:

- 1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.
- 2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.
- 3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Старога Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).
- 4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ-мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три рубля исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

- 1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замятокъ“ или же
- 2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.